

Мэри Брэддон

До горького конца

Мэри Элизабет Брэддон

До горького конца

«Public Domain»

1872

Брэддон М.

До горького конца / М. Брэддон — «Public Domain», 1872

«Старомодный сад раскинулся в самой середине патриархального Кента. Такого сада не одобрил бы ни один современный садовник, но, тем не менее, это сад благовонный и красивый и очень любимый его обладателем, который находится далеко за морем, пытаясь поправить состояние в австралийских золотых приисках, и вспоминает со многими тайными вздохами об этой единственной зеленой долине, которую он может назвать своим домом. Она была его домом сорок лет и домом его предков несколько столетий. Тяжело расстаться с таким местом, но Ричарду Редмайну пришлось взглянуть прямо в лицо этой печальной возможности...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	29
Глава VI	34
Глава VII	38
Глава VIII	42
Глава IX	48
Глава X	52
Глава XI	55
Глава XII	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мэри Брэддон

До горького конца

Глава I

В цветущей долине

Старомодный сад раскинулся в самой середине патриархального Кента. Такого сада не одобрил бы ни один современный садовник, но, тем не менее, это сад благовонный и красивый и очень любимый его обладателем, который находится далеко за морем, пытаюсь поправить состояние в австралийских золотых приисках, и вспоминает со многими тайными вздохами об этой единственной зеленой долине, которую он может назвать своим домом. Она была его домом сорок лет и домом его предков несколько столетий. Тяжело расстаться с таким местом, но Ричарду Редмайну пришлось взглянуть прямо в лицо этой печальной возможности.

Нет в этом саду роскошных куртин всевозможных форм, нет чудес из бордюрных цветов, нет одноцветных масс, нет редких растений, но вы найдете тут две длинные, широкие гряды со смесью старомодных цветов, большую зеленую лужайку, старые яблони и груши, пару ореховых кустов, испанский каштан, низкий, но с широко разросшимися ветвями, образующими тенистый шатер, и одинокий старый кедр. Сад отделен от внешнего мира и от огибающей его тихой дороги высокими кирпичными стенами, обсаженными фруктовыми деревьями и увенчанными колючими растениями, стенами, которые сами по себе достойны карандаша живописца. Рядом с этим садом есть большой фруктовый сад, отделенный от него только изгородью душистого шиповника, где густая сочная трава испещрена колеблющеюся тенью листьев, где хорошо отдыхать в жаркие летние дни. А в конце фруктового сада есть пруд, где стаи уток плещутся среди водяных лилий, а за прудом расстилаются луга и поля Брайервудской фермы.

Сад, дом со службами и ферма принадлежат Ричарду Редмайну, одержимому манией к золоту и отправившемуся в Австралию в надежде поправить состояние, значительно пострадавшее в последние годы от неурожая, неудачных спекуляций в торговле скотом, от падежей, болезней картофеля и вообще от всех ударов, постоянно угрожающих злополучным фермерам.

Он оставил дома своего младшего брата, человека кроткого и несколько слабоумного, мало сделавшего для себя в жизни и всегда находившегося в зависимости от владельца Брайервуда, и жену своего брата, женщину, далеко не кроткую и не слабоумную, но вздорную и злоую на язык, хотя и не с дурным сердцем. Этой паре, Джемсу Редмайну и жене его Ганне, оставлена на попечение ферма.

Оставлено и еще нечто бесконечно более ценное. Как ни дорог отсутствующему каждый акр старых владений, но он покинул нечто несравненно более дорогое для его сердца, – дочь свою, Грацию, свое единственное дитя, высокую, стройную, темноволосую девятнадцатилетнюю девушку.

Ее никак нельзя было назвать красавицей, эту дочь фермера, воспитанную несоответственно со своим положением, как утверждал весь маленький Кингсберийский мир. Она действительно не могла взять человечество приступом ни при каких обстоятельствах, но все же была красива и привлекательна; приятно было следить за ее фигурой, когда она бродила по дому и по саду, высокая, тонкая и грациозная, как полевые лилии; приятно было смотреть на ее нежное молодое лицо, увенчанное рыжевато-темными волосами, местами отливавшими золотом, – лицо, главную прелесть которого составлял его молочно-белый цвет, едва оживленный слабым румянцем.

Грацию Редмайн заучили, говорила мистрис Джемс, которой хотелось видеть свою племянницу хорошей хозяйкой на скотном дворе и в птичнике. Девушка действительно вела жизнь бесполезную, и в этом отношении мистрис Джемс была права. Грация ничего не смыслила в делах фермы. Она очень любила старый дом, с наслаждением бродила между цветами и проводила праздные утра в фруктовом саду; она любила все живые существа, которые ее окружали, начиная со старой скотницы Молли, которую знала с детства, и кончая желтым утенком, вылупившимся только накануне, но далее не шла. Она пробыла три года в пансионе в Танбридже и Вельсе, и вернулась домой с неизменными украшениями, слегка играя на фортепиано, слегка говоря по-французски, умея произнести несколько неправильных итальянских фраз и рисовать на доске небывалые цветы и с ненасытимой страстью к романам.

Отец купил для нее в Танбридже подержанный рояль, выбранный скорее за его наружные, чем за его внутренние достоинства, но принявший чрезвычайно величественный вид в углублении старомодной гостиной. Фермер любил слушать пение дочери в летние сумерки перед ужином, и ее нежный голос нравился ему не менее от того, что погружал его в преждевременную дремоту, пока звон посуды в соседней кухне и резкий голос мистрис Джемс, спрашивавшей, намерены ли они наконец, идти ужинать, не возвращали его из блаженного мира грез в грубый мир действительности.

Она была его единственная дочь, его красивая, темноволосая Грация, очень похожая на единственную женщину, которую он любил, на его чистую, простосердечную жену, преждевременно разлученную с ним внезапной смертью двенадцать лет тому назад. Дочь была теперь единственным существом на земле, которое он мог любить и лелеять, и все обилие любви сильного мужчины обратилось на эту прекрасную молодую голову. Тяжело ему было покинуть ее в цвете ее молодости, но после долгой борьбы с неблагоприятными обстоятельствами он пришел к убеждению, что это неизбежно. Один из его старых друзей, человек, потерпевший неудачу как мелкопоместный фермер, делал чудеса в золотых приисках и прислал ему блестящий отчет о своих успехах. Редмайн был человек предприимчивый, беспокойный, не мог удовольствоваться умеренным благосостоянием, а соревнование было всегда его бичом. Он носился с этим письмом, написанным с воодушевлением и, может, быть, с некоторыми преувеличениями, носился с ним как с ключом к большому богатству. Ночь за ночью видел он себя стоящим по колено в грубой глине и загребающим лопатой кучи яркого золота при свете полной луны. Утро за утром, просыпаясь, взглядывал он на ярко освещенные летним солнцем стены своей спальни, с мучительной мыслью, что жизнь его заключена в этих тесных границах. Правда, тут была его дочь, которую он любил более всего на свете, но любовь к ней заставляла его еще сильнее стремиться поискать счастья в далеком краю. Если не принять каких-нибудь мер, самых решительных мер, думал он, Брайервуд будет продан. Он был в долгах, и не надеялся расплатиться.

Может быть, никто, кроме человека в отчаянном положении, и притом человека, мало знакомого с тем, что делалось за границами его владений, не подумал бы об искании золота, как о средстве поправить состояние. Но это было в первые дни золотой горячки, когда надежды на богатство, ожидающие искателей в этой незнакомой земле Тома Тидлера, были сильнее, чем в настоящее время. Чарльс Редмайн среди своих будничных забот и все усиливавшихся затруднений своего положения думал об этой далекой заморской стране, думал до тех пор, пока ему не начало казаться, что путь, к ней указывает блестящая звезда, за которою ему стоит только пойти, чтобы все поправить.

Если даже придется потерпеть неудачу, думал он, это будет легче, чем сидеть дома, сложа руки, и смотреть прямо в лицо разорению. Он созвал всех своих кредиторов и описал им откровенно свое положение. Они еще не вышли из терпения и были вполне уверены в его добросовестности. В сущности долги его были невелики, едва достигали в сложности тысячи пятисот

фунтов, между тем как одна ферма стоила тысячи четыре, но так как он не мог заплатить их, не продав часть земли, они казались ему громадными.

Кредиторы всеми силами старались отговорить его от безрассудного намерения, но соглашались ждать, а это было все, что он от них хотел.

– Я не боюсь, – сказал он, когда один из них, старый друг, пытался выставить его намерение в самом мрачном свете. – Что-то говорит мне, что меня ожидает успех, если я буду тверд. Пройдет, может быть, год, два, три, прежде чем я что-нибудь сделаю. Больше трех лет я ни в каком случае там не останусь и прошу вас подождать, в самом худшем случае, три года. Само собою разумеется, что я не ожидаю такого снисхождения даром, я буду платить вам всем по пяти процентов в год.

«Это щедро и благородно со стороны мистера Редмайна», – сказали кредиторы. Один недовольный господин хотел было возразить, но был тотчас же остановлен своими товарищами. Мистер Редмайн взглянул на дело справедливо, и они все желают ему успеха. Что ни говори, а находят же люди кучи золота, и почему же ему не получить долю в столь обыкновенном счастье. Может быть, тогда не было ничего слышно о несчастных золотоискателях, они погибали безвестно и бесславно, так что казалось, что человеку нужны только заступ и лопата, чтобы приобрести громадное богатство.

До такого образа мыслей довел себя и Ричард Редмайн, мечтая, ропща на свою судьбу и с отвращением отвернувшись от фермы, где все, по-видимому, шло дурно. Там, вдали, было богатство, и стоило только решиться пойти и взять его. Он был деятелен, силен, как Геркулес, ни разу в жизни не испытал болезни, был меткий стрелок, – словом, мог надеяться не пропасть в чужой стране. От мелких неприятностей своей жизни дома он с нетерпением обратился к жизни, ожидавшей его впереди, и в одно прекрасное мартовское утро, после упомянутого дружеского свидания со своими кредиторами, отправился в Лондон, купить себе недорогой снаряд, взял место на корабле, стоявшем тогда в доке и отходившем через педелю, сдал свой багаж и вернулся в Брайервуд, чтобы проститься с дочерью.

Тяжелая была сцена, когда он объявил ей о своем намерении. Девушка страстно любила отца. И к кому же другому могла она привязаться со всею силою своей горячей, любящей натуры? До сих пор он не намекнул ей ни одним словом о своем намерении. Она слышала, что он говорил как будто с завистью об австралийском золоте и о счастье своего друга Моргана, слыша, как он сравнивал хлопотливые и мелочные труды жизни фермера с жизнью в стране, где внезапные обороты колеса фортуны поднимают человека в одну неделю из нищеты к богатству. Она сочувствовала ему, утешала его, но ей и в голову не приходило, что он задумал покинуть Брайервуд. Это казалось невозможным. Когда он объявил ей о своем намерении, она взглянула на него молча, и на лице ее выразилось такое страдание, что отец был тронут до глубины души.

– Вы шутите, папа, – воскликнула она. – Вы хотите испугать меня.

– Нет, дитя мое, я не шучу, – отвечал он, нежно обнимая ее и глядя ее голову, опустившуюся на его грудь. – Но ты не должна горевать. Я покидаю тебя для твоего же блага. Нам пришлось бы продать Брайервуд, если б я продолжал сидеть, сложа руки, между тем как мы идем к разорению. Все, что я мог бы сделать здесь, Джим сделает не хуже меня. Я уезжаю на год, или около того, самое большее на три года.

– На три года! – воскликнула Грация. – О, папа, папа, возьмите меня с собой.

– Взять тебя на золотые прииски? Нет, моя милая птичка, такая жизнь слишком тяжела для тебя. Я нежил тебя и отдавал в пансион не для того, чтобы свести тебя с такими грубыми людьми, с какими мне придется работать там.

– Как бы ни была тяжела жизнь, какие бы лишения мне ни пришлось испытать, я везде буду в безопасности с вами.

«Я везде буду в безопасности с вами». Эти слова преследовали его много лет, как постоянный упрек.

Он старался утешить ее, ободрить, но Грация не могла думать ни о чем, кроме незнакомого моря, которое ему придется переплыть, кроме незнакомой земли, где ему придется трудиться.

– Сердце мое разобьется, папа, если вы уедете, – объявила она и твердо отказалась от утешений. Он, однако, уехал, и ее сердце разбилось не совсем. Горе было велико. Ночь за ночью она плакала, пока не засыпала в своей хорошенькой комнате под черепичною кровлей, утро за утром она просыпалась с чувством одиночества и грусти. Но ей было еще только восемнадцать лет. Мало-помалу надежда возродилась. Веселое письмо, объявлявшее о благополучном прибытии странника, было первым утешением, вызвавшим улыбку на красивом молодом лице. С этих пор началось обыкновение ждать следующего письма. Сердце ее не разбилось: это ждало ее впереди.

Глава II

Брайервуд унижен

У мистера и мистрис Джемс Редмайн было два сына, два рослых, угловатых сына, девятнадцати и двадцати лет. Необразованные до степени, внушавшей презрение их кузине Грации, они были юноши трудолюбивые и хорошие хозяева. Оставшись со своим отцом неограниченными распорядителями в ферме, они повели дело по-своему, и хозяйство начало, видимо, поправляться после отъезда хозяина. Ричард Рейдман был человек нетерпеливый, предприимчивый, непостоянный, в последнее время делал все новые опыты, тратил деньги на земледельческие машины, большую часть которых бросал как негодные после нескольких месяцев испытания. Джемс был расчетливее и осторожнее, никогда не упускал из виду копеечных выгод, и не прошло года после отъезда Ричарда Редмайна, как дела фермы значительно поправились. Доходами еще нельзя было похвалиться, но семейство могло жить, платя за все чистыми деньгами, и убытков не было. Такое положение дел было уже шагом к лучшему.

– Если бы только отец остался дома!.. – вздохнула Грация, когда дядя ее рассуждал однажды на эту тему.

– Если бы отец ваш остался дома, – возразила мистрис Джемс своим резким голосом, – дела не могли бы поправиться. Он продолжал бы все портить своими нововведениями, не имея терпения дождаться спокойно результата, один день работая как вол, на другой сидя, сложа руки и ворча на свои неудачи. Нет, ему гораздо лучше быть там, где он теперь. В Австралии, может быть, можно что-нибудь сделать с его манерой работать, но здесь этим ничего не возьмешь.

Грация вспыхнула и начала защищать отца. Покинув Брайервуд, чтобы поискать счастья за морем, он принес жертву, достойную героев римской истории, думала она, припоминая Марка Курция, который выдвигался из темного фона классической истории как особенно интересный молодой человек, автограф которого она с удовольствием присоединила бы к своей скроившей коллекции подобных драгоценностей. Ее мысли в этот период ее жизни с любовью следовали за отцом; пришло время, и пришло слишком скоро, когда они последовали за другим. Она видела его во сне трудящимся под далеким небом, она молилась за него. Могла ли она вынести равнодушно, чтобы его осуждали в ее присутствии?

Мистрис Джемс приняла ее возражение снисходительно.

– Грация хорошо делает, что стоит за отца, – сказала она, – и я не имею ничего против Ричарда. Я хотела только сказать, что он слишком упрям и горяч для такого рода работы. Он более способен бороться с препятствиями в чужих краях, чем терпеливо ждать, пока созреет его рожь и откормится для продажи его скот.

Со времени отъезда Ричарда Редмайна прошло пятнадцать месяцев. Было начало июня, в Брайервудском саду зацвели розы. Отсутствующий думал о них среди шума своей тревожной жизни и воображал себя сидящим под большим кедром, под которым он выкурил так много трубок и выпил так много чашек чая, поданных ему дочерью в теплые летние вечера. Приближался сенокос, и мистрис Джемс была погружена в хлопоты, готовя пироги с мясом и с крыжовником для косцов, способных поглотить, как стая саранчи, все находившееся в ее кладовой, как бы ни была она полна. Словом, лето только что начиналось, когда мистрис Джемс внезапно попала на новый способ увеличить свой доход.

В трех милях от Брайервуда был прекрасный старинный дом, окруженный запущенным парком, – благородное поместье времен Тюдоров, сохранившееся в своем первобытном виде со дней знаменитого Гарри, но в последнее время оставленное в пренебрежении, как и окружавший его парк.

Настоящий владелец Клеведона, – так называлось это поместье, – сэр Френсис Клеведон, был слишком беден, чтобы жить в нем, и терпеливо выжидал за границей, чтобы какой-нибудь счастливый случай, как, например, давно ожидаемая смерть старой тетки, которой он был наследником, дал ему возможность поселиться во владениях своих предков. Не по своей вине жил этот молодой человек изгнанником. Отец его, сэр Лука, был одним из светил великосветского общества во дни регентства и расточил большое состояние; играя с Фоксом и кутя с Шериданом. Он провел молодость бурно, женился поздно, увез жену за границу и допустил детей вырасти вдали от отечества.

Он прожил все свои деньги и заложил Клеведон; но, к счастью, был так стеснен законами о наследовании; что должен был оставить имение неприкосновенным. Когда, наконец, подагра в желудке прекратила его жизнь, сын его Френсис, тогда пятнадцатилетний мальчик, наследовал титул и обремененное долгами имение, поселился с матерью и сестрой в скромной квартире на краю Парижа, предоставив Клеведон умному управляющему, делавшему все возможное, чтобы выкупить имение доходами, которые оно приносило.

При жизни отца это было невозможно. Сэр Лука до конца сохранил расточительные привычки, которыми славился даже в кругу безумцев, среди которых вращался. Пить шато-марго, есть землянику в феврале и персики в апреле, бросать пригоршни серебра извозчикам, иметь две абонированные ложи в опере и одну в Водевиле, держать пари каждую весну в Лоншане, играть каждую осень в Бадене и в Гамбурге он считал жизненной необходимостью, между тем как бедная жена его, чтобы сберечь несколько пенсов и шиллингов, покупала своим детям бумажные перчатки вместо лайковых и уничтожала пудинг в их скромном обеде.

Когда сэр Лука умер, положение дел поправилось, по мнению мистера Ворта, управляющего, который с этих пор начал надеяться выкупить со временем Клеведон. Молодой баронет, мать его и сестра были так благоразумны, что согласились жить на: то; что он найдет возможным уделить им из доходов; И через год после смерти сэра Луки переселились из Парижа в Брюгге, где жизнь была дешевле.

В продолжение двадцати пяти лет Клеведон был на попечении слуг. Весь штат состоял из старого дворецкого, жены его, двух работающих молодых женщин; одной для дома, другой для молочни, дряхлого садовника, который тщательно поддерживал небольшой цветник, существовавший еще при его старой барыне, матери сэра Луки, и оставлял, в полном пренебрежении остальную часть парка. Доход с одной домашней фермы, при заботливом управлении доставлял ежегодно сумму, которая, как леди Клеведон уведомила мистера Ворта, была совершенно достаточна для нее и для ее двух детей.

Спустя год после смерти баронета, мистер Ворт предложил вычистить леса (пока был жив сэр Лука, он уверял, что нет хворостинки, годной для сруба), и этим способом приобрел около шести тысяч фунтов, которым облегчил груз долгов, лежавших на имении. Будущее прояснилось, и мать с сыном, гуляя по тихим бульварам Брюгге, весело говорили о том времени, когда они будут жить дома. Они всегда называли Клеведон своим домом, хотя не провели ни одной ночи под его готической кровлей. Матери не суждено было дожидаться осуществления этих надежд, она умерла немного лет спустя после смерти мужа, а сэр Френсис отправился путешествовать, оставив сестру в Брюгге, в монастырском пансионе.

В продолжение всех этих лет можно было отдать дом внаймы и создать таким образом новый источник дохода, но против того восстала гордость. Сэр Лука мог вынести что угодно, как объявил он, только не это, только не допустить чужих поселиться в доме, где он родился и где угощал в продолжение двух блестящих недель принца регента. Торговать домом своих предков! Осквернить домашний очаг всех Клеведонов из-за денег какого-нибудь магната Сити! Письмо, в котором мистер Ворт сделал это предложение, едва не довело баронета до апоплексического удара. Он две недели не мог успокоиться после этой «дерзости», как он выражался. Когда он умер, жена его и сын, из уважения к его предрассудкам, решились не отдавать внаймы

своего старого дома, и Клеведон, оставшись на попечении слуг, медленно приходил в разрушение. Местами пробивалась сырость, местами крысы прогрызли панель, и постепенная порча обнаруживалась с погребов да чердака.

Джон Ворт, управляющий, жил в своем собственном, не красивом, но удобном кирпичном домике, на лугу деревни Кингсбери, на расстоянии мили с половиной от Брайервуда. Он был дружен с Редмайнами и любил заходить на ферму, чтобы выкурить вечернюю трубку, сытно поужинать или выпить чаю под развесистым кедром, куда Грация приходила иногда фантазия поставить чайный стол в благовонные летние вечера или в знойное время жатвы. Тут все любили его, хотя людям незнакомым он едва ли показался бы привлекательной личностью. Это был человек лет шестидесяти и более, высокий, с честным, суровым лицом, заглубленным и покрасневшим от пребывания на воздухе во всякую погоду, с седыми волосами, жесткими и короткими как щетка, и с густыми седыми бакенбардами. Он не имел ни жены, ни детей и очень любил Грацию, которая обращалась с ним опасно обворожительным образом, полудерзко и полуласково.

Новое средство увеличить свой доход тетушка Ганна нашла при содействии мистера Ворта. Он зашел к ним однажды вечером, в июне, когда они сидели за чайным столом, Грация с романом на коленях, ее два кузена поглощая холодную ветчину и бобы с таким аппетитом, что можно было подумать, что они не ели с неделю. Грация не могла смотреть на них без отвращения. Ей хотелось, чтобы чайный стол имел более изящный вид, чтобы на нем стояло блюдо с земляникой, ваза с цветами и китайская тарелка с бутербродами, подобными тем воздушным бутербродам, какие подавались в гостиной мисс Тульмин, но ничего более существенного. Мисс Тульмин была содержательница пансиона, в котором Грация почерпнула все свои понятия о приличии. Там она получила тот взгляд на жизнь и на людей, который так легко сообщается в подобных заведениях, и считала теперь несчастьем быть дочерью фермера и еще большим несчастьем быть племянницей тетушки Ганны, которая была так неприятно трудолюбива и имела склонность засучивать рукава при всяком удобном случае, которая принимала деятельное участие в ежемесячной стирке и не только не стыдилась этого факта, но даже хвасталась им. Грация не ладила с окружающими ее, в особенности с тех пор, как единственный человек, которого она любила, покинул тесный семейный круг. Бедствовать в Австралии, казалось ей, было бы гораздо легче, чем выносить неприятности ее будничной жизни, слушать целый день ворчливый голос тетки, носить по вечерам ситцевые платья и подвергаться наставлениям за то, что она не любит хозяйство. В пансионе мисс Тульмин были дочери адвокатов и докторов, девушки, для которых жизнь была веселым праздником, которые возвращались с вакаций с веселыми рассказами о собраниях и пикниках, о крокете и танцах. Бедная Грация ни разу не была на балу и не могла играть одна в крокет, хотя обширная лужайка в саду была для этого как нельзя более удобным местом. Правда, тут были ее кузены, которые охотно отдали бы ей свободное время своей трудолюбивой жизни, но руки и сапоги кузенов были из самых грубых и не согласовались с понятием Грации о приличии. Ей казалось, что бит крокета никогда не должен попадать в руки менее изящной особы, чем кингсберийский священник, худой и бледный молодой человек, с слабым голосом, пользовавшийся большим почетом у окрестных помещиков и делавший ежегодно два церемонных визита в Брайервуд.

Грация отложила в сторону роман и налила большую чашку чая для управляющего. Она была всегда рада видеть его. Мистер Ворт приносил им новости из внешнего мира и об интересном изгнаннике, сэре Френсисе Клеведоне, о котором она всегда готова была слушать. Она воображала его себе похожим на Эдгара Равенсвуда, величественным, мрачным и неучтивым.

– Нет ли письма из Австралии? – спросил мистера Ворт. – Третьего дня пришла, кажется, почта.

Грация покачала грустно головой; в этот раз письма не было.

– Последнее было длинное, и отец сказал нам, чтобы мы не ждали от него писем с каждой почтой. Если с ним случится что-нибудь, говорит он, мы это наверное узнаем от друга его Моргана.

– Конечно. Это большое утешение для вас, что он там не один.

Управляющий задумался, прихлебывая свой чай, а Грация смотрела на него, ожидая, чтобы он сказал им что-нибудь новое об интересном изгнаннике.

– У нас будет редкий сенокос в этом году, Джемс, – сказал мистер Ворт, а Джемс Редмайн в ответ слабо улыбнулся и сказал: – Да, если только в продолжение следующих двух суток выпадет дождь.

На дождь надежды мало. Мой барометр не опускался ниже тридцати две последние недели. У нас лет десять уже не было таких трав, как в этом году.

– И это поправит дела сэра Френсиса? – спросила Грация с жаром.

– Конечно, моя милая, – отвечал мистер Ворт весело. – Одно сено даст по меньшей мере семьсот фунтов для уплаты долга. Для сэра Френсиса приятно работать. Он не брал более двухсот пятидесяти фунтов в год из доходов с тех пор, как умер его отец. Позвольте еще чашку чая, только не так сладко.

– Есть надежда, что сэру Френсису можно будет скоро вернуться сюда? – спросила Грация, наливая чай.

– Едва ли, если только не умрет внезапно его тетка, мистрис Кальвер, и не оставит ему своих денег. Но она, кажется, решила не расставаться с ними как можно дольше.

– А она очень богата? – спросила Грация не столько для того, чтобы получить ответ, как для того, чтобы поддержать разговор. Она уже давно знала все, что мог сообщить ей мистер Ворт о мистрис Кальвер, но ей никогда не надоедало слушать все, что касалось семейства Клеведон. Они были единственные аристократы, о которых она что-нибудь знала, и служили для нее представителями благородства и величия.

– Богата ли она? Еще бы: она получает тысяч шесть или семь в год. На эти деньги можно было бы жить спокойно в Клеведоне. Сэр Лука проживал сорок тысяч в год, но теперь не прежние времена, и сельский джентльмен может жить скромно. Мистрис Кальвер, сестра отца сэра Френсиса, как вы знаете, и в свое время была известная красавица. Она охотилась с гончими, интриговала для брата на выборах и заставляла всю страну говорить о себе, так или иначе. За нее, говорят, сватались первейшие женихи, но она все ломалась и вышла замуж тридцати пяти лет за желтого старика, нажившего себе состояние в Индии. У них никогда не было детей, и все ее состояние должно перейти к ее племяннику. Она на десять лет старше брата, следовательно, теперь ей с лишком восемьдесят лет.

– Надеюсь, она проживет недолго, – воскликнула Грация. – Нет, я не то хотела сказать, Я хотела сказать, что мне было бы очень приятно, если бы сэр Френсис и сестра его приехали в свое имение. Жаль смотреть, как портится старый дом.

– Земля-то во всяком случае не портится, – сказал управляющий.

– Нет, конечно, нет. О земле заботитесь вы, умный, добрый мистер Ворт, и, кажется, бережете каждый клочок травы и каждый колос. Я говорю только о доме. Обои, панель, кабинеты и все прекрасные вещи, которые вы мне однажды показывали, пропитаны сыростью и гнилью. Воображаю, какое это было великолепное место, когда там гостил Георг IV.

– Да, тогда было хорошо в Клеведоне, – сказал мистер Ворт, вздохнув. – В эти две недели было истрачено более сотни фунтов на одни восковые свечи – я видел счет из свечной лавки – и полтора фунта на освещение парка и оранжерей китайскими фонарями в день сельского праздника. Принц, сэр Лука и еще двое или трое сживали, играя в карты и уничтожая кюрасо часов до четырех или до пяти утра. Хорошее было время!

– Сэра Френсиса тогда еще не было на свете? – спросила Грация.

– Да, это было еще до женитьбы его отца. Он не думал о женитьбе, пока не промотал всех своих денег, и тогда влюбился в дочь викария, мисс Агнесу Вильдер, восемнадцатилетнюю девушку. Многие, вероятно, считали его хорошею партией для нее, и мистер Вильдер был того же мнения. Как бы то ни было, но никто не помешал этому браку, а сама мисс Вильдер любила своего жениха. Он и тогда был еще красивый мужчина, несмотря на свои пятьдесят лет. Однажды утром они обвенчались в Кингсберийской церкви и отправились в Париж, чтобы провести там медовый месяц, но оттуда уже не возвратились. Сэр Лука не смел глаз показать в Англии.

– Бедная жена его! Ей досталась тяжелая участь, – заметила Грация, сочувствовавшая всем членам семейства Клеведон.

– Да, моя милая, и она была доброю женой для такого дурного мужа, каких мало. И я слышал, что в молодости она была женщина гордая. Мистер Вильдер был человеком хорошего происхождения и дал своим детям отличное воспитание.

Пока шел этот разговор, Джек и Чарли Редмайн продолжали есть свои бобы и ветчину, равнодушные к рассказу, слышанному уже несколько раз. Управляющий любил говорить о людях, которым служил, и его слушали большею частью из учтивости. Не все так интересовались старою историей, как Грация. Дядя Джемс задремал, убаюканный мягким летним ветром, проникавшим под ветви кедра. Тетушка Ганна вынула из кармана серый шерстяной чулок, как легкую дамскую работу, употребляемую при гостях, и принялась прилежно штопать его.

– Не знаете ли вы, мистер Джемс, где здесь можно найти квартиру, удобную для джентльмена? – спросил неожиданно мистер Ворт.

Мистрис Джемс подумала и покачала головой.

– Я знаю здесь в Кинсбери только две свободные квартиры: у мистрис Фриман на деревне и у мистрис Петер на лугу возле вас.

– Ни одна не годится, – возразил управляющий, – слишком малы, я видел их. Мне нужно помещение для джентльмена, который приедет сюда месяца на два. Я желал бы найти для него приличную гостиную, удобную спальню, хороший сад и хорошо приготовленный стол. Если вы знаете какую-нибудь ферму не далее шести миль отсюда, где его согласились бы принять...

– Нет, я такой фермы не знаю, – прервала мистрис Джемс, и потом, подумав и взглянув на своего дремавшего мужа, прибавила: – Но я не вижу причины почему бы нам самим не взять его. Спальня Ричарда стоит пустая, а лучшая гостиная употребляется не более раза в месяц. Заплатит он, надеюсь, хорошо.

– Он заплатит хорошо, даже щедро, за такие удобства, какие найдутся у вас.

– Взять жильца! – воскликнула пораженная Грация. – Тетушка Ганна!

– Взять жильца, – повторила тетка. – А почему же не взять? Почему не сделать полезного употребления из пустых комнат? Мы не должны пренебрегать никакою прибылью, когда отец ваш выбивается из сил, чтобы заплатить свои долги. Я ожидала, что вы обрадуетесь возможности помочь ему по мере сил.

– Конечно, тетушка, но не думаю, чтобы отцу понравилось, что мы пускаем к себе жильцов.

Мелочная пансионская гордость восстала. Что сказала бы мисс Тульмин и все ее воспитанницы, узнав, в каком положении находится их бывшая подруга? Грация была полгода тому назад на прощальном празднике в пансионе и посещала изредка свою прежнюю наставницу и еще мерила все существующее меркой мисс Тульмин.

– Он джентльмен, – сказал мистер Ворт, – или должен бы быть джентльменом, потому что в жилах его течет благородная кровь.

Последние слова несколько смягчили Грацию. Она была уверена в превосходстве людей благородного происхождения, считая их существами совершенно отличными от обыкновенных смертных, с которыми она проводила жизнь.

– Не думаю, чтобы это понравилось отцу, – повторила она и более уже не протестовала.

– Когда отец ваш уезжал, – возразила ей тетка, – он отдал мне в полное распоряжение дом и скотный двор. Я поручаю все вам, мистрис Джемс, сказал он. Пусть Грация читает свои книги, играет на фортепиано и наслаждается жизнью. Я уверен, что она не будет мешать вам в хозяйстве. Это его слова, Грация, и вы их слышали.

– Да, – отвечала Грация, – но я уверена, что ему не могло прийти в голову, что мы обратим Брайервурд в наемную квартиру.

Мистер Ворт сожалел, что огорчил свою любимицу. Она сидела, полуотвернув от него голову и надув свои розовые губки.

– Оставим это, если Грация не согласна, – сказал он.

– Я стыжусь вашей гордости и вашего тщеславия, Грация, – воскликнула мистрис Джемс. Противоречие племянницы заставило ее сильнее ухватиться за свое намерение. – Я думала, что вы обрадуетесь возможности приобрести несколько фунтов для отца. Все, что заплатит джентльмен за помещение, будет чистою прибылью, и от содержания его, надеюсь, будет какая-нибудь выгода, и притом вы оказали бы этим услугу другу вашему, мистеру Варту.

– Хорошо, пусть он приедет, – сказала Грация. – Я на все готова для отца.

– Вам не будет до него никакого дела, – возразила мистрис Джемс, супруг которой уже проснулся и смотрел на нее широко раскрыв глаза. – Сара будет прислуживать ему, а я буду стряпать для него. Джентльмены прихотливы насчет стола. Не хотите ли посмотреть комнату Ричарда, мистер Ворт?

Джемс Редмайн между тем совсем очнулся, и жена объявила ему в чем дело тоном, по которому он понял, что ради семейного спокойствия не должен противоречить ее намерению.

Они отправились осматривать комнату Ричарда, и даже Грация удостоила присоединиться к ним. Покорившись перспективе иметь в доме жильца, она невольно заинтересовалась им. Появление нового лица составляло эпоху в ее однообразной жизни.

Губерт Вальгрев, – так звали незнакомца, – был, по словам мистера Ворта, адвокат, человек трудолюбивый и уже имевший порядочную практику. У него были кое-какие собственные средства, происходил он от хорошей фамилии, но был почти одинок в мире, не имея близких родных. Он вынес недавно серьезную болезнь, причиною которой была чрезмерная работа, и доктора предписали ему два или три месяца отдыха в каком-нибудь спокойном загородном месте, где он мог бы пользоваться чистым воздухом и уединением.

– Бездействие не в его характере, – сказал мистер Ворт, – но доктора объявили ему, что если он не бросит работы, то окончательно расстроит свое здоровье, и он принужден покориться и пишет мне, чтоб, я нашел ему здесь помещение.

– Так он знает это место?

– И да, и нет. Он провел здесь только один день.

– А вы, надеюсь, давно знаете этого человека?

Необходимо было убедиться в благонадежности их будущего жильца.

– Ему было два года, когда я познакомился с ним, – отвечал мистер Ворт с задумчивою улыбкой.

– Этого достаточно. Я знаю, что вы не стали бы рекомендовать человека нестепенного.

– О, он человек степенный, даже слишком степенный для своих лет, как мне иногда кажется. Он не способен на увлечения. Он совершенный контраст с своим... с молодыми людьми моего времени.

Спальня Ричарда Редмайна была большая прохладная комната, с тремя передними окнами, выходившими в сад и с боковым окном, из которого можно было видеть поворот большой дороги, очень удобная комната со старинными, красного дерева, комодами и бюро, с красивою кроватью, с канифасовыми занавесками у постели и окон, с узкими полосами

полинявших брюссельских ковров, с окрашенным темною краскою умывальником, уставленным простою белою посудой, с парой вышитых шерстью по канве картин, изображавших сон Иосифа, в рамках под стеклами, с четырьмя ярко раскрашенными гравюрами охотничьих сцен, со старинным индийским чайником и полудюжиной треснувших чашек на высоком камине и со всезаглушающим запахом сушеной лаванды, – комната, в которой человек мог жить и умереть спокойно.

Мистер Ворт оглядел ее и одобрил.

– Я напишу ему, что он может привезти с собою свою ванну. Надеюсь, что вы дадите ему холодной воды сколько ему понадобится.

– О, конечно, – отвечала мистрис Джемс недовольным тоном. – Пусть берет сколько хочет воды, если он из тех господ, которые не могут жить без того, чтобы не полоскаться.

Мистрис Джемс смотрела с отвращением на всякое излишнее употребление воды, как на прихоть, сопряженную с тратой времени при ношении воды взад и вперед и с пачканием лестниц и коридоров.

– Вы знаете лучшую гостиную, – сказала она.

Мистер Ворт хорошо знал эту парадную комнату, употребляющуюся только в редких случаях и благоговейно охраняемую под замком от осквернения ногами простых смертных. Большая, низкая комната, полукруглое окно, массивная дубовая резьба на потолке, обитые вылинявшим ситцем кресла и диван, – и какой диван! Небольшой отряд пехоты мог бы отдохнуть на нем, если отдых возможен на чем-нибудь столь жестком, – тяжелый квадратный стол красного дерева, старый буфет, украшенный двумя медными львиными головами с кольцами в носках, три треснувшие китайские вазы, семейная библия и *Исаак Уальтон* в кожаном переплете, ковер, с которого исчезла всякая ткань ярких цветов полстолетия тому назад, но все еще бережно сохраняемый под полотняною покрывалом белоснежной чистоты, – такова была гостиная, прохладная, полутемная комната, с окном, заросшим розами и жимолостью, комната, в которой можно было продремать лето и промечтать зиму у камина, не замечая, что жизнь идет вперед.

– Лучшая гостиная годится как нельзя более, сказал мистер Ворт. – Какие же ваши условия? Достаточно ли буден трех гиней в неделю за помещение и за содержание?

– Достаточно, – отвечала тетушка Ганна, сообразившая, что две гиней из трех будут чистою прибылью.

Я согласна, если Джемс согласен.

Ссылка на Джемса была вежливою фикцией, супружеским комплиментом. Весь Кингсбери знал, как слаб голос Джемса Рейдмайна в Брайервуде.

– Следовательно, дело кончено, – сказал мистер Ворт. – Я напишу мистеру Вальгреву, что он может приехать когда хочет.

– Да, – отвечала тетушка Ганна. – Я не из тех хозяев, которые не выметают пыль из угла в угол по целому году, а весной поднимают такую уборку, что ставят весь дом вверх дном и называют это хорошим хозяйством. Мыть каждую пятницу, мести каждый вторник – вот мое правило. Понедельник остается для стирки, среда для глаженья, четверг для печенья, а суббота для общей уборки.

– Боже, тетушка Ганна! – воскликнула Грация с нетерпеливым жестом. – Какое дело до всего этого мистеру Ворту!

– Если не мистер Ворт, то некоторые особы могут это выслушать с пользой для себя. В наше время дочери фермеров ведут себя как герцогини, даже хуже: герцогини, по крайней мере, воспитаны не в грошевых пансионах.

– Это лучший панион в Вельсе, – вспыхнула Грация. – Отец не отдал бы меня в плохой. Несправедливость к ее отцу обижала ее всего сильнее.

Мистер Ворт учтиво вмешался между спорившими.

– Я сегодня же напишу мистеру Вальгреву, и он приедет к вам в субботу или в понедельник.

– Мне все равно, когда бы он ни приехал, – отвечала мистрис Джемс.

Они вернулись в сад, где чай был заменен двумя квадратными бутылками можжевельной настойки, коричневым кувшином с холодной весенней водой и парой кружек. Грация была задумчива. Принять жильца было унижением, но она не могла не думать о нем. Чужие люди были так редки в Кингсбери, а принять чужого человека в свой дом было эпохой в жизни. Они вперед будут вести свое летоисчисление с этого события и разделять жизнь в Брайервуде на две половины – до приезда мистера Вальгрева и после приезда мистера Вальгрева.

Глава III

«О, помните ли, как мы встретились с вами в первый раз?»

Он приехал в субботу в начале вечера, тихого, солнечного вечера, с легким ветерком, способным лишь колебать только что распустившиеся розы. Брайервуд показался сплошь покрытым розами утомленным Лондоном взором Губерта Вальгрева. Розы образовали занавес у входа, розы, белые и красные, охваченные бледно-желтою жимолостью, вились до самой крыши, кусты махровых и диких роз покрывали узкий садик между большою дорогой и домом, а в боковую калитку мистер Вальгрёв бросил взгляд на старомодный сад, весь покрытый розами.

– Славное место, – пробормотал он утомленным, полунадменным тоном. – Фермы обыкновенно бывают безобразны.

Все семейство, только что кончившее чай в ежедневной гостиной, услышало стук экипажа, и за канифасовым занавесом появилась небольшая группа, в которой Грация была, конечно, не из числа наименее любопытных. Она забыла, каким унижением был приезд жильца в своем нетерпении увидеть его.

Джек и Чарли Редмайн пошли, по приказанию матери, помочь внести багаж приезжего: большой сундук, очевидно вынесший много поездок и, судя по тяжести, наполненный книгами, большой кожаный чемодан, еще более изношенный, два кожаных мешка, три или четыре удочки и души.

– О! – воскликнула мистрис Джемс с нескрываемым отвращением, – я так и ожидала, что он полоскун.

– Он смотрит джентльменом, – сказала Грация задумчиво.

Одному Богу известно, откуда она получила свое понятие о джентльмене, если только не судила по ректору, беспокойному маленькому человеку, вечно ссорившемуся с тем или с другим из своих прихожан, или по викарию, костлявому двадцатидвухлетнему юноше, по-видимому, не переставшему вырастать из своих платьев.

– Он смотрит джентльменом, – повторила Грация мечтательно.

И действительно, мистер Вальгрёв носил на себе тот отпечаток благородства, ту невыразимую грацию и величие, которые внушают простолюдинам мысль, что высшее сословие создано из другого материала, чем они.

Он был высок, но не слишком; худощав, но также не слишком. Лицо его обнаруживало следы недавней болезни и едва ли могло назваться красивым: темные волосы, редкие спереди, болезненный, смуглый цвет лица, серые глаза, казавшиеся черными, прямой нос, насмешливый рот, способный выразить многое или ровно ничего, смотря по желанию его обладателя. На вид ему можно было дать лет тридцать пять. Грации он показался старше. Романтичность, которую она, может быть, окружила его образ в своем воображении, должна была рассеяться при виде действительности.

– Но он смотрит джентльменом, – сказала она в третий раз, вынимая из корзинки лоскуток бесполезной работы, ненавистной для глаз мистрис Джемс, и садясь у окна, выходящего в сад. В общей гостиной было два окна с двух сторон и стеклянная дверь, выходящая в сад.

В доме послышалось движение, раза два прозвучал колокольчик, резкий голос мистрис Джемс не умолкал, отдавая приказания служанке. Обед, приготовленный для приезжего, был подан в лучшей гостиной.

Грация прокралась к полуотворенной двери, высунула голову и стала слушать. Дверь соседней комнаты была отворена настежь, и она услышала учтивый, утомленный голос, все одобрявший, но с неприятною холодностью, как ей показалось.

– Благодарю. Комнаты очень хороши, прохладны и удобны, а это все, что мне нужно. Да, я выпью стакан вашего домашнего эля, если позволите. Мне пришлют из Лондона корзину вина. Я надеюсь получить ее сегодня вечером.

Потом, после небольшой паузы:

– Я должен поблагодарить вас за то, что вы приняли меня в свой дом. Мистер Ворт говорит, что вы до сих пор никогда не пускали к себе жильцов.

– Дело в том, сэр, – начала мистрис Редмайн, которая была сама скромность, – что обстоятельства брата моего мужа, Ричарда Редмайна, который находится теперь в Австралии на золотых приисках, где сколько я могу судить, он не приобрел еще ни копейки, – обстоятельства его, видите ли, теперь не то что были прежде, и я не сочла себя в праве отказаться от прибыли, как бы ничтожна она ни была, хотя племянница моя, Грация, воспитывавшаяся в пансионе, где девушкам набивают голову всяким вздором, и называют это образованием, наша Грация об этом и слышать не хотела.

– Слышать не хотела обо мне? – повторил приезжий своим протяжным, ленивым тоном, как бы говоря о предмете, ни мало его не интересовавшем. – Надеюсь, что прежде чем я покину Брайервуд, мисс Редмайн убедится, что я вовсе не такая неприятная личность, как она полагает.

– Помилуйте, сэр! Она не имела ничего против вас лично, ей только неприятно иметь в доме жильца, и она точно так же стала бы противиться, если бы на вашем месте был епископ Кентерберийский.

Грация покраснела до ушей, пока шел этот разговор. Она досадовала на тетку за то, что та заговорила о ней, досадовала на жильца, за его высокомерный тон, такой тон, как будто она была уж так много ниже его.

Приезжий, со своей стороны, представлял себе дочь фермера толстою, краснощекою девушкой, с веснушками и одетую карикатурой лондонских мод.

– Она, вероятно, играет на фортепиано, ваша племянница? – спросил он, отказавшись от малинового торта и сливок, которыми угощала его мистрис Джемс.

Он с ужасом воображал, какие мучения придется ему вытерпеть от музыки сельской барышни. «Почему наши законодатели не дадут женщинам мужские права? – спросил он себя. – Тогда брайервудская племянница ходила бы за сохой или надсматривала бы за косцами».

– Да, сэр, она играет на фортепиано, – отвечала мистрис Джемс, резкий дискант которой звучал еще резче после плавного тона приезжего. – Ричард научил ее всем подобным пустякам. У нее есть способности к музыке, насколько я в этом судья. Но если ее игра будет мешать вам, мистер Вальгри, – тетушка Ганна иначе не называла жильца, как этим искаженным именем, – скажите только слово, и фортепиано не будет открываться, пока вы у нас.

– Ни за какие блага в мире, моя добрая мистрис Редмайн. Пусть молодая особа играет, сколько ей угодно и забудет о моем темном существовании. Я приехал к вам не на такое короткое время, чтобы принять подобную жертву. Мне хотелось бы пробыть у вас подольше и ездить отсюда в Лондон, когда соберусь с силами. Я привык трудиться и не могу оставаться долго без дела.

Мистрис Джемс взглянула на большой сундук, поставленный у двери гостиной, и на кучу книг в старых кожаных и бумажных переплетах, выброшенных из него на пол.

– Вы, кажется, не намерены лениться здесь, сэр, – сказала она, простосердечно считая чтение самую трудную работой.

– Нет, – отвечал мистер Вальгрев с легким вздохом. – Адвокат должен много и серьезно заниматься, чтобы иметь успех в свете, а я не стыжусь сознаться, что считаю известность наградой, для которой стоит трудиться.

Он впадал в откровенность, тон его стал уже менее апатичным. Грации он более нравился после его слов об ее музыке. Она тихо вернулась на свое место и принялась за работу, стыдясь, что позволила себе подслушивать.

После обеда, за которым он ел умеренно и с видом человека, равнодушного к пище, мистер Вальгрев закурил сигару и вышел в сад. Солнце уже село, но над западной стеной еще догорала алая заря, а выше небо было бледно-зеленое, постепенно темневшее, сохраняя только местами яркий оттенок и напоминая опал с его пятнами. Губерт Вальгрев шел медленно по траве, лениво наслаждаясь красотой места и атмосферой.

– Право, это совершенство в своем роде, – сказал он. – Старый Ворт не преувеличивал, хваля красоту, места. Каждая часть старого дома имеет свою оригинальную прелесть, каждая тропинка в этом саду восхитительна. Но все же трудно представить, как человек может жить здесь год за годом, вдали от жизненной борьбы и без всякой цели впереди, радуясь, что это лето даст ему урожай не хуже прошлого, что доход текущего года будет только немногим менее, а может быть и более дохода прошлого года, спокойно следя месяц за месяцем за жизнью природы, за высиживанием яиц, за ростом шерсти, за откармливанием скота, за созревaniem ржи и ничего не ожидая от будущего. Нет я не могу себе представить чувства этого человека. Я скорее согласился бы сидеть в доме умалишенных или в тюрьме, чем жить такую жизнь.

Человек, находившийся в это время в Австралии, ожидая счастья в золотых приисках, разделял чувства мистера Вальгрева. Он тоже не был создан для жизни фермера.

Пока мистер Вальгрев бродил медленно по саду, останавливаясь по временам, чтобы полюбоваться на розовый куст, но тотчас же забывая о своем намерении, и глядел на цветы, очевидно, не замечая их, Грация следила за ним из-за канифасового занавеса, интересуясь знать, о чём он думает и каково его прошлое.

Мистер Ворт сказал им о нем очень немного, – только, что у него нет близких родных и что он одинок, но этого было достаточно, чтобы возбудить сочувствие к нему в мягком сердце девушки. Она жалела его, полагая, что такое одиночество должно быть источником грусти. Когда же она увидела его, сожаление значительно ослабело. Он не смотрел человеком, жизнь которого омрачена горем. Он казался ей человеком холодным, энергичным, и она припомнила его слова об успехе в жизни. Он честолюбив, а для честолюбивого человека сердечные привязанности имеют мало значения, думала Грация. И он непременно достигнет своей цели и будет судьей или чем-нибудь в этом роде. Она очень мало сочувствовала форме его честолюбия. Будь он военный, задавшийся мыслью отличиться пред своими товарищами, она считала бы его героем. Но адвокат... трудно окружить романтическим сиянием голову в парике с безобразною черною заплаткой на макушке. Грация была однажды в маленькой судебной палате в Медстоне, когда у ее отца был незначительный процесс, и составила себе понятие о судебном сословии по двум или трем ленивым судьям, которых видела там.

Было около десяти часов вечера, когда мистер Вальгрен докурив третью сигару, подробно осмотрев оба сада и заглянув на двор фермы, где семейство безукоризненных поросят визжало и состязалось над своим ужином, состоявшим из плохого картофеля и снятого молока, и возвратился в свою гостиную. Две тусклые свечи горели и больших старомодных подсвечниках накладного серебра. Он позвонил и потребовал еще пару, поставил все четыре свечи у своего левого локтя, выбрал из кучи книг четыре толстые тома и начал читать.

Не прошло десяти минут, как послышались звуки фортепиано и тихое пение.

Он оттолкнул от себя книги и опрокинулся на спинку кресла.

– Если это будет продолжаться, – пробормотал он, – мне лучше и не приниматься за работу, а если это будет повторяться каждый вечер, Брайервуд увидит меня не долго.

Он, однако, слушал, и скоро нахмуренный лоб прояснился и на лице его показалась слабая улыбка. Он прослушал жалобный немецкий вальс, очень старый и сыгранный с нежною грацией, соответствующей мелодии, прослушал старую балладу «О, помните ли, как мы встретились с вами в первый раз?», стоящую сотни наших современных гостиных романсов. Он слушал, и слушал с удовольствием. Но музыка продолжалась не более четверти часа. Не много времени пришлось потерять. Он возвратился к своим книгам с подавленным вздохом сожаления и постарался сосредоточить мысли на решении государственного судьи в одном важном деле, несколько сходном с тем, которое он должен был защищать в следующую зиму.

Этот тихий, нежный голос преследовал его несколько времени, мешая ему оценить по достоинству самые важные пункты в речи судьи. Ему с трудом удалось освободиться от него, и он не был бы недоволен, если бы пение началось снова.

Но этого нельзя было ожидать. Он слышал хлопанье дверей, стук засовов и замков у наружных входов, и скрип старой лестницы под легкими и тяжелыми шагами. Вошла служанка, чтобы спросить, не нужно ли ему что-нибудь и в котором часу он будет завтракать на следующее утро.

– В девять или в десятом. Я не люблю вставать рано. Кто это пел сейчас?

– Мисс Грация, сударь. Она у нас мастерица петь.

И служанка поклонилась и вышла, удивляясь на лондонского джентльмена, которому для чтения нужны четыре свечи.

– Должно быть, так всегда делается в Лондоне, – подумала она. – Они, бедные, слепнут там от дыма.

Мистер Вальгрев читал почти до трех часов, потом угостил себя успокоительною сигарой, выпил стакан холодной воды и ушел в свою спальню, в большую старомодную спальню, в которой Ричард Редмайн провел столько беспокойных ночей, раздумывая о своих затруднениях.

Глава IV

Тицианов цвет

Следующее утро было ясное и теплое, настоящее июньское утро и к тому же воскресное, оживленное благовестом кингсберийских колоколов, звонивших гимн, который доносился мягко и отчетливо до Брайервуда и врвался в отворенное окно Губерта Вальгрева, вплетаясь в сновидение, в котором он видел себя далеко от Брайервуда, слушающим голос, не отличающийся мягкостью голоса Грации Редмайн. Колокола разбудили его наконец, и он, зевнув, осмотрелся и обрадовался, увидев себя в тихой ферме. «Слава Богу за спокойный день, – подумал он. – Ни религиозной церемонии в атмосфере, пропитанной пачулей при двадцатипятиградусной жаре, ни Кенсингтонского парка после завтрака, ни мелких скандалов и сплетен, ни страшного, страшного, страшного обеда в восемь часов вечера, под аккомпанемент монотонных шагов одинокого путника в пыльном сквере, раздающихся в промежутках между разговорами, ни Мендельсона вечером не придется испытать здесь. Слава Богу за день отдыха, за день, в который я могу жить моею собственной жизнью».

Такие мысли были неблагодарностью со стороны мистера Вальгрева. Он добровольно избрал образ жизни, на который роптал теперь, и намеревался жить так и впредь.

Он встал и оделся, употребив на свой туалет не мало времени и наслаждаясь редким для него сознанием, что нет для него никакой необходимости спешить. Он привык жить, постоянно спеша: одеваться с часами, открытыми на туалетном столе, завтракать с часами на подносе, спешить из одного места в другое, не терять ни минуты из времени, которое мог посвящать чтению, проводить дни в нравственной лихорадке и половину ночей в бессоннице от чрезмерного утомления.

Не мудрено, что силы его наконец изменили ему при такой жизни. Но даже теперь, предупрежденный докторами, что отдых ему необходим, он не мог предаться полному бездействию. Привычка к труду была слишком сильна, и он привез с собой свои книги, намереваясь много читать.

Колокольный звон смолк, и водворилась тишина, отрадная летняя тишина, нарушаемая жужжанием пчел, пением птиц и жалобным голосом кукушки в ближней роще. Благовест должен был повториться в одиннадцать часов, но мистер Вальгрев не имел намерения идти в церковь. Он собирался предаться наслаждению, полному праздности и выпить до дна чашу простых сельских удовольствий, столь новых для него. С этим намерением он сошел в гостиную в своем утреннем сюртуке, подкатил стол к открытому окну и тотчас же набросился на связку еженедельных журналов, которые захватил с собой в Брайервуд. Тут были *Atheneum*, *Saturday Review*, *Spectator*, *Observer*. Вот как мистер Вальгрев начал наслаждаться сельскою жизнью.

Церковные колокола отзвонили в последний раз, прежде чем он покончил со своим завтраком и прочел половину журналов. В ферме было тихо, как в пустой сельской церкви, когда путник благоговейно входит в нее в летний вечер. Дома осталась одна служанка Салли, чистившая горох на крыльце задней половины дома и размышлявшая о неблагопристойном поведении жильца, который сидит, развалясь в кресле – семейной святыне, посвященной прадедам и прабабушкам семейства Редмайнов, протянув ноги на другое, и читает газеты, когда все здравомыслящие люди, не связанные службой, ушли молиться в церковь.

Журналы были наконец дочитаны. Мистер Вальгрев усмехнулся раза два саркастическою улыбкой над широкими столбцами *Saturday*, местами бранился, местами удивлялся, наконец отодвинул журналы в сторону, с обычным замечанием, что в них нет ничего интересного. Утренняя свежесть уже давно исчезла, солнце было на зените. Мистер Вальгрев вышел в сад, обошел все места, которые видел накануне, полюбовался на розы, полюбовался на кедр, побро-

дил по сочной траве фруктового сада, заглянул на двор фермы и познакомился со старым ослом, вспомнив самого веселого из английских писателей, Лоренса Стерна, навеки связавшего воспоминание о себе с ослиной породой. Осел по характеру животное общительное; главная неприятность его жизни состоит, может быть, в том, что лошади не хотят его знать.

На дворе фермы спал старик, сидя на низкой ограде свиного хлева, на солнечном припеке. Мистер Вальгрёв вошел и вышел, не разбудив его.

– Вот это сон! – сказал он, медленно удаляясь. – Воображаю, как ему приятно спать на солнце и в аромате свиного хлева.

Обойдя сад, посидев под кедром, понюхав розы, мистер Вальгрёв вернулся в дом. Утренняя служба отошла. Он почувствовал запах жареного мяса и увидел в отворенную дверь общей гостиной своих хозяев, сидевших за обедом. Ему бросилась в глаза молодая голова с рыжевато-темными волосами, но лица он не видел.

«Вот настоящий ценитель цветов», – сказал он про себя и вошел в свою гостиную, нисколько не заинтересованный.

Вслед за ним пришла служанка, спросить, не хочет ли он завтракать. Нет, он не хочет ничего, если только не получена корзинка содовой воды, которую он заказал прислать. Никакой корзины не было получено. Посылки доходили скорее из Лондона в Эдинбург, чем из Лондона в Брайервуд. Ближе Танбриджа не было станции железной дороги, и единственным сообщением между этою станцией и Брайервудом служила грязная проселочная дорога.

Служанка возвратилась к своему обеду в задней кухне, а мистер Вальгрёв, выпив до дна чашу сельских удовольствий, зевнул и взглянул сомнительно на свои книги.

Он обещал своему доктору дать себе отдых, а между тем, проработал накануне до трех часов ночи. Нет, в этот день не следовало приниматься за работу. Он обошел комнату, осмотрел с кислою улыбкой ее артистические украшения – старая гравюра, изображающая смерть генерала Вольфа, реформу палаты общин, Даниила в яме со львами и так далее – взглянул на *Исаака Уальтона*, на *Словарь Джонсона* и на старый номер земледельческого журнала и вернулся к столу у окна.

«Надо написать Августе», – сказал он, открывая большую сумку из русской кожи. «Она, вероятно, ждет письма. Что мне ей написать? О старике, спавшем между свиньями, или о дружелюбном осле? Или распространиться о розах и о голосе девушки? Немного материала нашел бы в Брайервуде Гораций Вальполь. Но что-нибудь написать надо».

Он взял лист почтовой бумаги с готическим вензелем и начал:

«Милая Августа, – пишу несколько строк, чтобы уведомить вас о моем прибытии в Брайервуд. Это славное старое место: ослы и розы, свиньи и земляника со сливками и все тому подобное, но скука ужасная. Я прочел сегодня все журналы, которые привез с собой, и боюсь, что буду вынужден идти к вечерней службе в Кингсберийскую церковь для того только, чтобы как-нибудь убить время. В какой ужас приведут вас эти слова! Но дело в том, что я намеревался вознаградить себя за все, что вытерпел от вашего фаворита, мистера Рередоса из Вест-Бромптона, временным переходом в язычество. Я уверен, что пока я пишу это, вы принимаете ваших обычных воскресных посетителей, рассуждаете о проповеди, о церковном сборе. Потом пойдете в парк, будете ходить взад и вперед, и дивиться на странные существа из низших слоев общества, с которыми там встретитесь. Были ли вы вчера в Ковент-Гардене? Я видел, что давали Фаворитку. Воздух здесь – сама чистота и, надеюсь, поправит меня скоро. Я намерен послушаться докторов и отказаться до зимы от наслаждений цивилизованной жизни. Лишнее говорить, что мои мысли стремятся к вам из моего заключения и что вы

осветили бы своим присутствием мое уединение. Передайте мое почтение вашему батюшке и верьте в неизменную преданность вашего
Губерта Вальгрева».

«Самое бессодержательное послание, какое когда-либо было написано», – сказал он, адресовав свое письмо мисс Валлори, 10, Акрополис-сквер, Южный Кенгсингтон.

Тем не менее факт, что оно было написано, успокоил его. Он растянулся на диване и заснул таким же сладким сном, как старый пахарь на дворе фермы. Разбудил его благовест к вечерней службе. Он быстро встал и сходил за своею шляпой.

«Пойду посмотреть, на что похожи провинциалы», – сказал он себе.

Он постучал в дверь общей гостиной, чтобы расспросить о дороге в церковь. Мистрис Джемс, в торжественном воскресном чепце, ответила на его вызов, отворив дверь достаточно широко, чтобы он мог окинуть взглядом всю комнату. Обладательницы тициановских волос там не было.

«Ушла, вероятно, в церковь или в сад», – подумал он.

Мистрис Джемс дала ему самые точные указания, как найти Кингсбери и Кингсберийскую церковь.

– Но вы опоздаете, сэр, – прибавила она. – Туда полчаса ходьбы, а прошло уже с четверть часа, как отзвонили.

– Ничего, мистрис Джемс. Я иду посмотреть церковь.

– В церкви мало интересного для столичного жителя, сэр, но ректор – человек хороший, и вы не будете сожалеть, что послушаете его.

– Надеюсь извлечь пользу из его наставлений, – сказал мистер Вальгрев, улыбаясь.

Он пошел, как ему было указано, по луговой тропинке, между живыми изгородями выше роста человеческого, изобиловавшими жимолостью, шиповником, наперсточною травой и папоротником. Славная была прогулка. Он не чувствовал себя одиноким, он забыл Августу Валлори и Акрополис-сквер, забыл свои честолюбивые мечты, забыл все, кроме наслаждения дышать благовонным воздухом и видеть над головой безоблачное синее небо. Ему пришлось пройти около двух миль, но для него, утомленного городского жителя, это было райскою прогулкой. Он не чувствовал ни усталости, ни слабости, хотя только что оправился от тяжелой болезни и даже пожалел, когда внезапно поворот дороги вывел его из лугов на небольшой холмистый выгон, среди которого возвышалась Кингсберийская церковь – невзрачное здание, окруженное деревьями.

Богослужение производилось на старинный лад. Древнее установление, причетник, было в полной силе. Номер певшегося гимна выставлялся для удобства слушателей белыми цифрами на небольшой черной доске. Проповедь была дружеским рассуждением практичным до крайности и вполне примененным к сердцам и умам слушателей.

Пока пелись гимны, мистер Вальгрев смотрел по сторонам. Он поместился в конце церкви, у двери, в тени небольшой галереи, и мог видеть все, не привлекая на себя внимания.

Да, вот она голова с тициановскими волосами. Он узнал ее тотчас же, хотя пред тем видел ее только мельком. У одной из высоких скамеек, на половине пути к среднему приделу, стояла высокая, стройная девушка, в зеленом кисейном платье и в соломенной шляпке, из-под которой спускалась масса рыжевато-темных волос. Лица ее ему не удалось увидеть в продолжение службы.

«Я уверен, что у нее цвет лица, обыкновенно сопровождающий подобные волосы, болезненно-белый, испещренный веснушками, – подумал он. Но, судя по форме головы и по этому узлу великолепных волос, можно вообразить ее хорошенькою».

И он уже воображал ее хорошенькою; он желал, чтобы она оказалась хорошенькою. Когда окончилась проповедь, он стал так, чтобы выйти рядом с Грацией Редмайн. Он заметил, что она застенчиво взглянула на него и очевидно узнала его.

Она оказалась очень хорошенькою. Нежное молодое лицо, которое никак нельзя было назвать правильным, произвело на него впечатление безукоризненной красоты. Оно было так не похоже на... на другие ему знакомые лица, оно отличалось такою нежностью и женственностью. «Лицо, способное свести с ума благоразумного человека, – подумал он. – К счастью, я ни разу в жизни не был влюблен и могу восхищаться красотой отвлеченно. Будь я художник, я поспешил бы перенести эту девушку на полотно. Какая Гретхен вышла бы из нее!»

Он следовал за ней на почтительном расстоянии, пока она шла по выгону, но на повороте решился поравняться с ней.

– Мисс Редмайн, если не ошибаюсь? – сказал он, улыбаясь и сторонясь, чтобы дать ей пройти.

– Да, – отвечала она, наклонив робко голову и вспыхнув ярким румянцем.

Этого было достаточно для мистера Вальгрева, чтобы продолжать разговор.

– Я ходил слушать вашего ректора. Славный старик; так не похож на людей, которых мне приходится слушать в городе. И ваша старая церковь прекрасна своею патриархальною простотой. Скамьи только немного жестки, и ваши приютские дети производят не совсем приятный шум своими сапогами. Если бы их поместили в какой-нибудь верхний ярус и запретили бы им сваливаться вниз, было бы лучше.

Мисс Редмайн улыбалась, но ей было немного досадно на него за его слова, казавшиеся ей насмешкой над Кингсберийскою церковью. Он как будто смотрел на все, что ее окружало, с высоты для нее недоступной. Это ее обижало.

Он продолжал говорить о проповеди, о церкви, о детях, расспрашивал свою спутницу о Кингсбери, об окрестностях, есть ли места, которые стоит осмотреть, и так далее, сокращая таким образом обратный путь, который Грация имела полное право считать очень утомительным.

Она сообщила ему о поместье сэра Френсиса Клеведона.

– Вы, конечно, сходите туда, – сказала она. – Это не показное место, то есть оно не показывается посторонним, но так как вы знакомы с мистером Вортом, то можете осмотреть его беспрепятственно.

– Я уже видел его однажды, но не прочь сходить туда еще раз, – сказал мистер Вальгрев задумчиво.

– Прекрасный старый дом с величественною обстановкой. Жаль, что он приходит в разрушение, не правда ли?

– Я надеюсь, что он будет скоро восстановлен, – сказала Грация и начала рассказывать своему спутнику все, что знала о сэре Френсисе Клеведоне и о надежде на своевременную кончину его родственницы, долженствующую дать ему возможность поселиться в Клеведоне.

Мистер Вальгрев слушал, ее с таким мрачным лицом, что Грация внезапно остановилась, полагая, что ее рассказ утомил его. Он даже не заметил остановки и шел несколько минут задумавшись, потом, как бы опомнившись, резко повернулся к ней и заговорил о ферме, об ее дяде, тетке и кузенах, и наконец об ее пении.

– Надеюсь, что я не мешала вам, – сказала она, когда он похвалил ее голос. – Я очень люблю музыку, она мое единственное развлечение, но если я мешаю вам...

– Я прошу вас мешать мне так каждый вечер, хотя это, конечно, не подвинет вперед моих юридических занятий. Так вы любите музыку? Я понял это по вашей игре и по вашему пению: в них слышно чувство, выходящее прямо из души. Этому не научит никакой учитель, как бы ни был он хорош. Были вы когда-нибудь в Лондоне?

– Нет, – отвечала Грация со вздохом.

– Так вы никогда не были ни в итальянской опере, ни в одном из тех концертов, которыми изобилует Лондон. Это большое лишение для такой любительницы музыки, как вы.

Он подумал как много лишений в жизни этой девушки, заключенной, может быть, навсегда среди зеленых полей и ферм.

«Бедная, – думал он с сожалением. – Ей следовало бы родиться дочерью джентльмена. Жаль, что такой прекрасный цветок прозябает в глуши. Выйдет она замуж за какого-нибудь толстого фермера, по всей вероятности, за одного из тех доморощенных юношей, которые вносили вчера мой багаж, и будет счастлива, не подозревая, что для нее возможна лучшая жизнь».

Они шли между тем мимо высоких живых изгородей, благоухавших жимолостью и шиповником, и самый воздух казался мистеру Вальгреву наслаждением после Лондона с его обществом, с тяжелой работой и болезнью.

– Как бы то ни было, – сказал он, – мы родились в прекрасном мире и должны только уметь пользоваться жизнью.

А сам он едва не свел себя в могилу непосильным трудом, к которому не побуждало его ничто, кроме честолюбивого желания обогнать своих товарищей. Теперь, среди этого сельского ландшафта, мирный характер которого был ему более знаком в картинах Кресвика и Линнея, чем в действительности, он начал впервые сомневаться в благоразумии своих поступков и спросил себя не лучше ли было бы относиться к жизни проще, предоставив фортуне обратиться к нему когда ей вздумается, и взять свою долю наслаждения жимолостью и шиповником и этим невинным девичьим обществом, казавшимся также необходимою принадлежностью сельского вида и летнего дня.

Он внезапно заговорил о самом себе с излишним одушевлением, как говорят, со слушателем, которого считают ниже себя по умственному развитию, заговорил весело, но с оттенком эгоизма о своей одинокой жизни в Лондоне, о своих специальных занятиях и так далее, и набросал описательный очерк лондонского общества.

Очень скоро пришлось ему убедиться, что его слушает не хорошенькая кукла. Вся ясность лица Грации исчезла, пока он говорил. Она была наделена природой тонким юмором и поэтическим чутьем; эта провинциальная девушка была хорошо знакома с легкою литературой, прочитав в тишине сада Скотта, Диккенса, Теккерея, Байрона, Теннисона, Гуда, Лонгфелло, и прочитав не по разу, а по несколько и с тонкой оценкой.

– Вы напоминаете мне Пенденниса, – сказала она, когда он описал ей свою холостую жизнь.

– Неужели? Мне было бы приятнее напомнить вам кого-нибудь получше этого эгоистичного, бесцветного молодого циника. Герой этой книги Баррингтон. Впрочем, мне кажется, что всякий одинокий человек, трудящийся только для себя, должен казаться эгоистом. Если бы я работал для кучи голодных детей, вы считали бы меня героем.

– Я не вижу, почему честолюбие должно всегда казаться эгоизмом, – возразила Грация застенчиво. – Я уважаю людей честолюбивых, энергичных, предприимчивых, хотя сама веду такую праздную жизнь. Мой отец уехал в Австралию, чтобы составить себе состояние. Разве я не удивлюсь его мужеству, несмотря на то, что для меня его отсутствие большое лишение?

– Вы, конечно, удивляетесь ему, но он работает для нас, у него есть цель, не касающаяся его лично, и такая прекрасная цель, – прибавил он понизив голос.

– Он работает столько же для Брайервуда, как для меня, даже более. Он очень гордится древностью своего рода и Брайервудом, принадлежащим Редмайнам около трехсот лет.

Лицо ее спутника слегка омрачилось.

– Да, – сказал он задумчиво, – даже в наше практическое время встречаются люди, гордящиеся подобного рода вещами. Что такое имя? Один позорит свое славное имя и уничтожает великолепное состояние безумною расточительностью, другой работает, как раб, чтобы выйти из неизвестности. Оба безумцы, конечно.

Они были уже в Брайервуде и, подойдя к калитке сада, церемонно расстались. Для Грации эта встреча была почти приключением. Ее сердце сильно билось, когда она вошла в свою

озаренную солнцем комнату с решетчатыми окнами и с толстыми перекладинами на потолке, – комнату, в которой уже жили, когда королем был Яков I.

В доме пахло обедом, когда она сошла вниз с веткой пунцовых роз на груди и в нарядном воротничке. В этот день одна из уток свершила последний период своего существования, чрезвычайно хлопотливый для тех, кому не суждено было есть ее. К ее вульгарному запаху слегка примешивался аромат вишневого торта.

Тетушка Ганна суежилась в коридорах, присматривая за служанкой, которая носила блюда, конвульсивно сжимая их грязными руками, не сводя с них глаз и тяжело переводя дух.

Часы воскресного вечернего чая были самым спокойным временем в Брайервудской жизни: дядя Джеймс дремал над своей газетой, тетушка Ганна разливала чай, два молодых человека громко жевали, как кролики, латук и поглощали хлеб с маслом, воздерживаясь от разговоров из опасения получить выговор за профанацию священного дня. Сколько таких воскресных вечеров провела Грация, сидя у отворенного окна, лениво перелистывая книгу гимнов и разглядывая цветы, засушенные между страницами! То были не несчастные вечера, но только скучные и одинокие, когда она мечтала о крыльях какой-нибудь сильной морской птицы, на которых могла бы перелететь море и присоединиться к своему отцу и к его тяжелой колониальной жизни.

Поэтому маленькая суета, сопровождавшая обед жильца, даже испуганное лицо бедной Сарры и ворчливость тетушки Ганны были не неприятны Грации. Все это нарушало ежедневную рутину, и она забыла что иметь жильца было унижением. Тетушка Ганна вошла вслед за ней в гостиную, ворча на людей, которые имеют обыкновение обедать, когда другие думают об ужине.

– Вам бы спросить его, тетушка, не хочет ли он обедать в воскресенье пораньше? – сказала Грация. Он, по-видимому, человек добродушный.

– Все вздор, душа моя. Что вы знаете об его добродушии? Вы видели его только в окно, можете ли вы судить о нем?

– Я видела его сегодня, как возвращалась от вечерни. Он говорил со мной и прошел со мной немного и был очень любезен.

Мистрис Джеймс взглянула на нее задумчиво, почти с неудовольствием. Мистер Ворт ручался за степенность жильца, а мистер Вальгрев не был в первом цвете молодости и не отличался вкрадчивыми манерами, с которыми женщины соединяют идею об опасности. Тем не менее ему не следовало ухаживать за дочерью Ричарда Редмайна. Никакого сближения между ними нельзя было допустить.

– Много ли прошел он с вами? – спросила мистрис Джеймс строго.

Грация покраснела. Это было, конечно, очень неблагоприятно, ибо она не имела никакой причины краснеть, но такой строгий допрос из-за таких пустяков привел в негодование вспыльчивую девушку.

– Он подошел ко мне на повороте и проводил меня до дому.

– Так он шел с вами всю дорогу? Как же вы говорите немного?

– Я не могла помешать ему идти рядом со мной, тетушка, и говорить со мной. Я не могла обойтись с ним грубо когда он был так почтителен со мной, словно я женщина его круга.

– Не знаю, понравилось ли бы вашему отцу, что вы разговариваете с незнакомыми мужчинами, – сказала тетушка Ганна.

– Не знаю, понравилось ли бы отцу, что мы пускаем к себе жильцов, – возразила Грация, и мистрис Джеймс прикусила язык, поняв, наконец, что ее экономические расчеты побудили ее на такой поступок, который Ричард Редмайн – самый гордый человек, какой когда-либо существовал в Кенте – счел бы оскорблением своего рода.

– Полно, полно! – воскликнул дядя Джеймс. – Вы, верно, ссоритесь. Что за беда, что девушка отвечала учтиво джентльмену, заговорившему с ней? Не бежать же ей было от него,

как от дракона, готового проглотить ее? Я люблю, чтобы девушка умела говорить смело и просто. Он джентльмен, за это нам ручается мистер Ворт, который иначе не стал бы рекомендовать его нам.

– Не его дело провожать Грацию, – сказала мистрис Джеме.

– Он не провожал меня, тетушка! – воскликнула Грация с негодованием. – Что за вздор приходит вам и голову? Он был в церкви и я была в церкви, и нам пришлось возвращаться по одной дороге.

– Ну, хорошо, пусть будет по-вашему, – вздохнула тетушка. – Но в следующее воскресенье вы не пойдете к вечерней службе.

В эту минуту сам виновник разговора подошел к растворенному окну, ища общество, и дружески заговорил с Джемсом Редмайном об окрестных видах а вообще о предметах, которыми, по его предположению, должен был интересоваться фермер. Грация удалилась в угол комнаты и открыла книгу с гимнами, но как ни старалась она сосредоточить внимание на знакомых стихах, слух ее не отрывался от флегматического голоса жильца, голоса так не похожего на все знакомые ей кентские голоса.

В Брайервуде было семейным обычаем проводить воскресные вечера и вообще все свободные вечера, более или менее, в саду. Появление жильца не могло сразу изменить заведенного порядка вещей. Джемс Редмайн взял свою трубку и ящик с табаком, молодые люди перенесли стол и стулья под большой кедр, и скоро все семейство уселось там по обыкновению, и только мистер Вальгрев сомнительно переминался с ноги на ногу возле них, продолжая рассуждать с фермером о земледелии.

– Принеси-ка мистеру Вальгри кресло, Чарли, – сказал Джемс сыну. – Он, может быть, не откажется выкурить сигару с нами по-домашнему.

– С величайшим удовольствием, – отвечал мистер Вальгрев. – Но я попрошу вас принести мне не кресло, а стул, Чарли. Вы действительно позволите мне выкурить здесь сигару, мистрис Редмайн?

– Бог с вами, – отвечал за нее муж. – Она не имеет ничего против табаку, она к нему давно привыкла. Садитесь и будьте, как дома. Если вы не брезгуете таким напитками, как можжевелевая настойка, я могу вам ее предложить.

– Благодарю вас. Нет ничего лучше можжевелевой настойки, но я принужден соблюдать строгую диету.

– Вы, вероятно, принадлежите к одному из обществ воздержания, – сказала тетушка Ганна, к стыду своей племянницы.

– Нет, я хотел сказать, что мне вредно пить что-нибудь крепче хереса с содовой водой.

– Вот это я называю помоями, – сказал фермер, и Грация опять вспыхнула. Пансионское воспитание сделало ее чувствительною к подобным мелочам.

Мистер Вальгрев уселся между ними и закурил сигару.

– Мне очень приятно быть принятым в ваш семейный кружок, – сказал он. – О прелести одиночества можно говорить только в толпе, но, очутившись среди меленых полей, человек начинает ценить общество своих ближних.

Солнце зашло за ряд лип и смоковниц, и небо изменилось из золотого в розовое и из розового в пунцовое пока мистер Вальгрев разговаривал и курил под кедром. Грация сидела немного поодаль, за массивною фигурой кузена своего Чарли. Мало-помалу разговор отдалился от земледелия и вместе с тем от Джемса Редмайна, который не мог говорить ни о чем, кроме урожаев, ярмарок и самых обыденных предметов. Мало-помалу разговор был покинут всеми, кроме мистера Вальгрева и Грации, хотя последняя только стыдливо отвечала, редко решаясь высказать свою собственную мысль.

Дремать в воскресные вечера было неизменным обыкновением тетушки Ганны. Во все другие вечера она была бодра и деятельна до последней степени, хотя в будни работала втрое

более, чем в праздники, по богослужению, парадный чепец на голове, чтение Библии и вообще торжественная обстановка воскресных дней располагали ко сну, и более получаса после вечернего чая она не могла сидеть с открытыми глазами. В этот вечер спокойный разговор мистера Вальгрева, с безмолвными промежутками, когда он задумчиво курил сигару и любовался небом, усиливал снотворное влияние дня, и тетюшка Ганна, намеревавшаяся не спускать глаз с племянницы и жильца, впала в сладкую дремоту, скрестив свои работающие руки на нарядном шелковом переднике и тихо кивая головой в воскресном чепце.

Они могли говорить что им угодно, Грация и жилец. Среди девственного леса они не были бы более одиноки.

Мистер Вальгрёв сравнивал с этим вечером многие другие воскресные вечера, какие ему приходилось проводить в последние годы, с тех пор как начал успевать на своем поприще и приобрел некоторую известность, – воскресные вечера у знакомых, которые принимали в этот день, воскресные вечера в обширных гостиных Акрополис-сквера, оживленные музыкой Баха и Генделя, воскресные вечера в более интимном кружке в Ричмонде или в Гринвиче, все с теми же обедами, все с теми же винами, все с теми же разговорами. Во сколько раз приятнее было сидеть под кедром в благоухавшем розами старом саду, разговаривать под мирный храп дяди Джемса и тетюшки Ганны и видеть пред собой красивое молодое лицо, обращенное к нему в летних сумерках! Человек по природе эгоист. Мистеру Вальгрёву приятно было говорить так свободно о себе, о своих чувствах, о своих вкусах и инстинктивно сознавать, что ему удивляются, что его понимают, приятно было быть центральной фигурой в группе, а не одним из толпы. Он еще не задавал себе труда анализировать свои чувства, но мало-помалу, после того как семейство Редмайнов пожелало ему доброй ночи и удалилось, унося с собой, как табор цыган, все свои принадлежности, – мало-помалу, в тишине летней ночи, при свете звезд, гуляя один по саду и куря последнюю сигару, он дошел до того, что сознался себе, что никогда в жизни не был так счастлив, как в этот вечер.

«Сентиментально, – сказал он, – но успокоительно. Я начинаю думать, что в этом-то и состоит счастье. Что может быть лучше как удалиться на время от многолюдного общества, отдохнуть от работы и пожить немного своею собственною жизнью, не стремясь ни к какой далекой цели? Какая она хорошенькая! И какая умная, как высоко стоит над всем ее окружающим! Жаль; когда-нибудь убедится, что такая жизнь слишком тесна для нее и что муж фермер слишком скучен и груб».

Он много думал, гуляя по саду, о Грации Редмайн, во-первых, потому, что она была единственная личность в Брайервуде, о которой стоило думать, во вторых, потому, что он был удивлен, найдя такую девушку в таком захолустье. Он думал о ней и сравнивал ее с другими женщинами, которых знал, и последние нимало не выигрывали от сравнения. Позже ему снились странные сны, в которых прекрасный образ Грации Редмайн, в венке из диких роз, являлся среди самых фантастических обстоятельств.

Глава V

Мистер Вальгрёв удовлетворяет свои общежительные наклонности

После вышеописанного воскресного вечера мистер Вальгрёв сделался своим человеком в Брайервуде. Он не злоупотреблял этой привилегией, посвящая дни длинным прогулкам, а вечера серьезному чтению, но в каждом дне бывали минуты и в каждом вечере дружеский час, которые он проводил под кедром или в семейной гостиной, разговаривая с Грацией, рассматривая ее книги и ноты. Вообще он держал себя так скромно, что тетушка Ганна не находила повода жаловаться на него и думала, что лучшего жильца и желать нельзя. Он настоял, чтоб она поменьше заботилась об его обедах, чтобы вместо обильных банкетов в шесть часов вечера, которые она считала необходимыми, ему подавали в половине восьмого только холодный ростбиф с салатом или котлету. В десятом часу, когда Редмайны ужинали, он выпивал большую чашку крепкого чая и был готов приняться за свои ночные занятия, когда семейство расходилось по спальням. Но час между своим поздним обедом и чаем он посвящал всецело наслаждению сумерками и садом, разговаривая о земледелии с дядей Джемсом под кедром или наблюдая, как Грация ухаживала за своими розами и срезала большими садовыми ножницами засохшие цветы. Она чувствовала себя теперь в его обществе совершенно свободно и уже немало выиграла от знакомства с ним, прочитав много нового под его руководством. Он выписал для нее из Лондона небольшой пакет книг, – сочинения мистрис Броунинг, Аделаиды Проктер и других современных светил, о которых она до его приезда не имела никакого понятия.

Лето было необычайно хорошо. День за днем солнце светило с безоблачного неба, и Джемс Редмайн, уверявший, что в Англии засуха никогда не приносит вреда, был вполне доволен погодой. Мистер Вальгрёв провел уже пять недель в Брайервуде, прервав только раз свое сельское уединение случайной поездкой в Лондон для свидания с двумя важными клиентами, которых надо было уверить, что его вакация продлится не слишком долго. Ничто не могло задержать его в Лондоне, сезон кончился, знакомые его разъехались, мистер Валлори был с дочерью своей в Германии, и мистер Вальгрёв пробыл вне фермы только день. Кентский воздух оказывал самое благотворное влияние на его здоровье, и доктор его, к которому он заехал в Лондон, был удивлен, увидав его.

– Я вижу, что вы исполняете мой совет и даете полный отдых своему утомленному мозгу, – сказал он.

Мистер Вальгрёв не трудился разуверять его. Нет, он не давал полного отдыха своему мозгу. У него было на руках судебное дело, на которое он возлагал большие надежды, с помощью которого он надеялся сразу и навсегда возвыситься над уровнем посредственности, и он усердно трудился над ним. Но работа казалась теперь необыкновенно легкой, и жизнь его была спокойнее и приятнее, чем когда-либо. Ему никогда в голову не приходило, что сельская жизнь придется ему так по вкусу.

Он обошел все окрестности на расстоянии двадцати миль от Брайервуда и осмотрел все поместья и развалины, доступные для туриста, с единственным только исключением: в Клеведоне он не был. Однажды утром, проходя мимо растворенных окон семейной гостиной, где Грация упражнялась на фортепиано, а тетушка Ганна сидела, погрузившись в исследование какой-то одежды мужа, требовавшей серьезной починки, он остановился и предложил им сходить в Клеведон вместе.

– Вы знаете это место и знаете Ворга, – сказал он. – Мы можем уговориться с ним, чтоб он встретил нас у дома. Почему нам не устроить таким образом импровизированный пикник?

Возьмем с собой холодный обед и пообедаем в той комнате, где сэр Лука Клеведон угощал принца регента. Я не был ни на одном пикнике с тех пор, как приехал сюда, а мне помнится, что когда я был мальчиком и проводил лето в одной ферме в Норфольке, доставили мне там удовольствие быть на полудюжине пикников, по крайней мере. Я имею право жаловаться на недостаток гостеприимства с вашей стороны, мистрис Редмайн.

Грация засмеялась тихим, счастливым смехом, и даже грубые черты мистрис Джемс озапались улыбкой, когда она подняла голову, не успев разрешить занимавшего ее вопроса, положить ли заплату или пришить новый обшлаг.

– Вы шутите, мистер Вальгри, – сказала она. – Разве вам можно угодить нашими пикниками? Вы потребуете оркестр и коляску четверней прежде, чем назовете что-нибудь пикником.

– О, нет, моя милая мистрис Редмайн. Холодная телятина, салат и бутылка хересу, – вот все, что мне нужно. Я прошу вас и ваше семейство идти со мной в Клеведон, и смею думать, что мы пообедаем там с неменьшим удовольствием, чем принц регент, как бы ни был искусен повар сэра Луки.

Тетушка Ганна поколебалась с минуту, взглянула пристально на племянницу – не она ли причиной любезности жильца, но не могла ничего возразить против предложения. Неучтиво было бы отказаться исполнить желание такого примерного жильца, и такое желание, которое было снисхождением с его стороны.

– Хорошо, сэр, – сказала она, – если вам угодно провести день в Клеведоне с Джемсом и со мной, с Грацией и ее кузенами, я согласна, но только едва ли это доставит вам удовольствие. Мы, как видите, люди простые и...

– Вы славные люди, мистрис Редмайн, Поверьте мне, что я лучшего общества не желаю.

Он бросил взгляд на Грацию, прилежно учившую страницу из своих нот. Он не мог увидеть ее глаз, но розовые губы улыбались радостной улыбкой, доказывавшей, что мысль о пикнике доставляет ей удовольствие.

– Так не пойти ли нам завтра? Чем скорее, тем лучше, потому что погода может испортиться.

– За погоду не опасайтесь, – возразила тетушка Ганна, придумывавшая обед для пикника и рассчитывавшая, сколько времени потребуется для его приготовления. – Послезавтра будет удобнее, – сказала сна.

– В таком случае, послезавтра. Так вы уговоритесь с мистером Вортом. Или я сам схожу к нему сегодня, если хотите.

– Как вам угодно, мистер Вальгри. Я уверена, что мистер Ворт исполнит с удовольствием всякое ваше желание.

– Да, – отвечал жилец своим задумчивым тоном. – Ворт был всегда моим другом.

– Он сказал, что давно знает вас, – решила заметить мистрис Джемс, которая, как женщина, не могла не интересоваться прошлым своего жильца.

– Он знает меня с рождения, – отвечал мистер Вальгрев.

Грация взглянула на него большими, пытливыми глазами. Он никогда не говорил им ничего ни о своих родителях, ни о своем доме, ни о своем детстве. То, что он сказал сейчас о лете, проведенном в Норфольке, было все, что они знали об его юности, и Грация, у которой было так много свободного времени, провела немало праздных часов, думая о нем.

Мистер Вальгрев зашел к управляющему на обратном пути после длинной прогулки. Одинокое скитальчество начинало надоедать ему, и он чувствовал себя все более и более расположенным проводить дни в Брайервуде. Плодовый сад был чрезвычайно удобным местом для чтения. Он привез с собой некоторые из своих любимых авторов: Монтеня, Бартонна, Стерна, и выписал впоследствии из лондонской библиотеки ящик книг новейшей литературы: последние сочинения Фроуда и Мотлея, новейшие произведения по метафизике, темно-синий томик со стихами сомнительного достоинства и последний французский роман. С таким запа-

сом он полюбил фруктовый сад, где так хорошо было лежать на короткой тенистой траве под яблоней, осыпавшей его по временам градом мелких недозревших яблок.

Мистер Ворт согласился беспрекословно исполнить его желание, но был удивлен пикником и сближением мистера Вальгрева с Редмайнами.

– Мне казалось, что это не в вашем характере, – сказал он.

– Ничто не в моем характере, кроме тяжелого труда, милый Ворт. Праздность для меня такая новость, что я перестал быть самим собой. Я жажду какого-нибудь сельского развлечения. Эти люди очень добры, и я в последнее время сошелся с ними. Я, право, не подозревал, что человек такое общительное животное. Миг казалось, что с книгами и с рыбной ловлей я не буду чувствовать ни малейшей потребности в обществе людей, но случилось так, что я через неделю или дней через десять после моего приезда сюда стал искать общества почтенных Редмайнов. Итак, послезавтра, Порт. Вы встретите нас у старого дома?

– Я встречу вас у дома, если угодно, но не лучше ли мне выйти к южным воротам? Это ближайший вход от Прайервуда, и оттуда я проведу вас парком. Вы два года тому назад осмотрели дом с чердака до погреба. Я не ожидал, что вам вздумается осматривать его опять.

– Почему же? Мне нравится это заброшенное место. В этот раз я, конечно, не буду заглядывать во всякий закоулок и во всякую щель, как два года тому назад, когда мне хотелось оценить по достоинству наследство сэра Френсиса Клеведона. (Последние слова были сказаны с горечью, как будто такой низкий порок, как зависть, не был чужд мистеру Вальгреву). – Мне хочется провести в Клеведоне спокойный, праздный дин, бродя по дому и по парку.

Ничто не могло быть естественнее такого желания, и Джемс Ворт, искренно желавший доставить удовольствие мистеру Вальгрелу, не сделал никакого возражения.

День пикника был одним из великолепнейших летних дней. Термометр показывал двадцать градусов в тени, и солнце светило с безоблачного неба, когда Губерт Вальгрел и Грация Редмайн шли по узкой тропинке между зреющей рожью и высокими живыми изгородями. Мистрис Джемс и муж ее отстали немного, утомленные дневной работой, оконченной ради прогулки в полдень. Сыновья их составляли арьергард, держа в руках корзины, в которых по временам слышался глухой звон, приятно напоминавший о прохладительных напитках.

Грация была в выцветшем кисейном платье, превратившемся почти в белое, и в большой круглой соломенной шляпке, под тенью которой ее темно-голубые глаза блистали, как звезды. Она была весела, как жаворонок, паривший над ней в лазоревой вышине, и разговаривала с жильцом, в присутствии которого чувствовала себя теперь совершенно свободно. Ее живость и ум приводили его в восхищение. Ни в одной из женщин, с которыми ему приходилось говорить в том мире, который был его миром, не встречал он такой богатой фантазии, такой способности понимать его, такой симпатичности, как в этой дочери фермера.

– Вам следовало бы быть поэтом, Грация, – сказал он ей. Он ни у кого не спрашивал позволения называть ее по имени. Все звали ее Грацией, и он последовал общему примеру. – Вам следовало бы быть поэтам. Некоторые из наших самых симпатичных я правдивых современных поэтов женщины. Знайте, Грация, что я буду искренно огорчен, если услышу когда-нибудь, что вы вышли замуж за фермера и превратились в такую же довольную своей судьбой фермершу, как ваша тетушка Ганна.

Бледное лицо Грации вспыхнуло ярким румянцем, синие глаза сверкнули гневом. Характер мисс Редмайн был не из кротких.

– Я никогда не выйду замуж за фермера, – воскликнула она.

Они стояли друг против друга у калитки, где остановились, чтобы дождаться остальных.

– Вы думаете, что не выйдете? – спросил мистер Вальгрел самым непринужденным тоном. – Но почему вы так рассердились на меня за мое предположение, что это может, случиться? Отец ваш фермер, дядя а двоюродные братья фермеры, вы живете, так сказать, в атмо-

сфере фермеров. Что же странного в моем предположении, что вы и замуж выйдете за фермера?

– Я никогда не выйду замуж за фермера, – повторила Грация все еще с оттенком досады во взгляде и голосе. – Мне кажется, что я вовсе не выйду замуж. Я охотно предпочла бы...

Она не договорила и устремила задумчивый взгляд вдаль.

– Что вы предпочли бы?

– Уехать к моему отцу в Австралию и вести с ним бродячую жизнь.

– А! Вам кажется, что это было бы поэтично, оригинально. Бродячая жизнь в девственных лесах, среди тропической растительности и все тому подобное. Но вам пришлось бы разочароваться, Грация. Ничего, кроме тяжелых лишений и опасностей, не нашли бы вы в такой жизни, – в жизни среди людей, развращенных всеми пороками, какие развивает корысть. Нет, Грация, нет, не мечтайте об Австралии. Ожидайте возвращения, им того отца, развивайте свой ум, принадлежащий к числу исключительных, и, может быть, лет через десять Англия будет гордиться Грацией Редмайн.

Девушка вздохнула и не отвечала. Он тоже замолчал и стал задумчив.

Жарко было идти в Клеведон по хлебным полям и потом около полумили по пыльной большой дороге, но зато каким наслаждением было подойти к южному входу, где ждал их мистер Ворт, куря трубку под тенистым навесом. У ног его стояла каменная бутылка.

– Я думал, – сказал он, – что не мешает принести вам сюда чего-нибудь прохладительного и сделал третьего дня молочный пунш по превосходному рецепту, который дал мне дворецкий сэра Луки. Ему следовало бы постоять подольше, хотя и теперь он не дурен.

– Боже мой, вы хотите напоить нас всех допьяна, мистер Ворт! – протестовала тетушка Ганна. – Я знаю, что такое этот молочный пунш сэра Луки, вы приносили нам его прошлый год во время уборки хлеба. Это самый опасный напиток, какой только можно придумать.

Мистер и мистрис Редмайн имели много, что сообщить мистеру Ворту, и ушли с ним вперед, молодые люди углубились в лес, чтобы поискать белок, а мистер Вальгрев и Грация остались опять вдвоем. Они шли не спеша, останавливаясь по временам полюбоваться на величественное старое дерево или на длинную аллею, углублявшуюся в лесную чащу. С этой стороны парк не подвергался опустошениям сэра Луки, который был согласен с мнением Шеридана, что лес есть прямой источник для уплаты долгов джентльмена. Много благородных дубов, буков, вязов и каштанов погибло во время его опустошительного господства над Клеведоном, но лес на южной стороне парка был низшего достоинства и избежал даже несколько лет тому назад окончательной расчистки, посредством которой мистер Ворт уплатил часть долгов, тяготивших на имении сэра Френсиса.

Грация была молчалива и отвечала рассеянно, когда мистер Вальгрев обращался к ней. Он смотрел на нее и удивлялся, не зная, чему приписать такую перемену. Четверть часа назад она была так жива и весела.

– Так вы очень любите отца, Грация? – спросил он.

– Люблю ли я отца? – повторила она порывисто дрожащим голосом и со светлым взглядом, сделавшим ее необыкновенно прекрасной. – Кого же мне и любить, если не его? Я не хочу быть неблагодарной к дяде Джемсу и к тетушке Ганне. Они очень, очень добры со мной, и я привязана к ним, даже люблю их своего рода любовью. Но отца – я люблю его всем сердцем и всей душой. Знаете ли, что целый год после его отъезда не было ночи, чтобы я не видала его во сне, не чувствовала прикосновения его руки, не слышала его голоса; не было утра, чтоб я просыпалась без мучительного разочарования при мысли, что его нет со мной. Теперь сны уже не так живы, с тех пор прошло много времени, но я скучаю о нем не менее.

– Знаете вы приблизительно, когда он вернется?

– О, нет, может быть, вернется очень скоро, может быть, не вернется еще несколько лет. Он сказал, что ни в каком случае не пробудет там более трех лет, но я знаю, что он не приедет сюда, пока не достигнет своей цели.

– То есть, пока не наживет состояния?

– Пока не приобретет столько денег, чтобы заплатить все свои долги до последнего шиллинга.

– Желаю ему полного успеха. Если б я верил, что, копая землю, можно найти золото, я купил бы себе заступ и последовал бы примеру вашего отца. Юридическая карьера – чрезвычайно медленный путь к богатству. Что же касается славы, то если юрист остановится, не достигнув до шерстяного мешка, я сомневаюсь, чтоб его имя дошло до потомства, что бы он ни сделал. Быть чем-нибудь менее значительным, чем лорд Турло, значит не быть ничем, а вы едва ли когда-нибудь слышали о лорде Турло. Поэт в наши дни, как бы ни был он ничтожен, всегда найдет место в сердце женщин. Я держу пари, что если бы вас спросили, кто имеет более прав на известность – Кирке Вайт или лорд Брум, вы сказали бы, что Кирке Вайт и что Летиция Лондон, как писательница, стоит выше Юниуса.

– Я очень люблю поэзию, – отвечала Грация.

– И прекрасно, дитя мое. Продолжайте развивать свой ум серьезным чтением и когда-нибудь вы будете таким же поэтом, как мисс Проктер, поэтом чувств, полным нежности и музыки. Но вспомните, что сказал о поэтах Шелли: «Они узнают в страдании то, чему учат в песнях». И вам, вероятно, придется пройти так или иначе через этот образовательный процесс, – полюбить недостойного человека, разочароваться в своих лучших мечтах и так далее.

Девушка бросила на него опять быстрый взгляд, в этот раз полный гнева.

– Почему вы так думаете? – спросила она с негодованием. – Будто я уж такое глупое существо, что должна непременно полюбить недостойного человека. Я не намерена любить никого, кроме моего отца. Если во всех книгах, которые я прочла или хоть в половине из них говорится правда, любовь не приносит ничего, кроме горя.

– О, нет, Грация, иногда любовь приносит невыразимое счастье, возвращает молодость, открывает новый мир, бывает началом новой жизни, – сказал мистер Вальгрев с несвойственным ему жаром.

Глава VI

Грация находит сходство

Они были уже недалеко от дома и скоро вышли из густого леса на обширную лужайку, отделявшуюся от парка только тонкой железной решеткой. Тут ждало их остальное общество, вытирая лица большими носовыми платками и уже в состоянии сильного расслабления. Перед ними возвышался старый дом, величественное здание с массивным центром и с широко раскинувшимися направо и налево пристройками, оканчивавшимися с каждой стороны небольшой колоннадой, составлявшей прямой угол с зданием. Над главной дверью, низкой и широкой, находилось большое окно, которое само по себе было картиной. Крыша маскировалась каменным карнизом, прозрачным, легким и изящным, как роскошное кружево.

– Славное старое место! – сказал мистер Вальгрев. – Благородный фон для жизни человека. Жаль, что такой дом уступлен крысам и паукам.

– Недолго осталось крысам и паукам владеть им, – сказала Грация. – Сэр Френсис скоро возвратится.

– Может быть, – отвечал мистер Вальгрев задумчиво. – Я не верю в реставрации.

Мистер Ворт позвонил, и после значительного промежутка дверь была отворена дворецким, дряхлым стариком с длинными седыми волосами и с потухшими голубыми глазами, видевшими в лицо Георга IV. Старик просиял, увидав мистера Ворта и с любопытством устремил свои тусклые глаза на Губерта Вальгрева. Он очень охотно согласился показать дом.

– Очень рад видеть вас и ваших друзей, мистер Ворт, – сказал он. – Я и старуха моя совсем отупели, не видя здесь никого, кроме двух служанок и мясника раз в неделю. Если бы не наша привязанность к этому месту, мы, кажется, не вынесли бы такой жизни. Вам угодно осмотреть все лучшие комнаты, – продолжал он, отворяя одну из множества дверей в большой швейцарской и вводя своих посетителей в длинную мрачную комнату, увешанную семейными портретами с черным мраморным камином в конце, с таким гигантским камином, что его массивный фронтон поддерживался двенадцатью коринфскими колоннами, придававшими ему вид входа в гробницу. – Потолки в верхнем этаже стали гораздо хуже с тех пор, как вы видели их в последний раз, – продолжал дворецкий. – Крыша протекает, а весной у нас были сильные дожди. Что же касается крыс, о них лучше и не говорить. Чем только они тут живут, я и понять не могу, но они живут, растут и множатся. Это столовая Якова I, так названная потому, что его величество, когда гостил здесь, обедал ежедневно в этой комнате в час пополудни, с Робертом Карром графом Соммерсетским по левую руку и с сэром Джоном Клеведоном по правую, и говорят, что сэр Джон был красивее Карла. Вот его портрет в зеленом бархатном платье.

Все обернулись к портрету, на который указывал старый дворецкий. Грация уже видела его однажды, но взглянув на него в этот раз, она вздрогнула и тихо вскрикнула.

– Что с вами, Грация? – спросил Джемс Редмайн.

– Я взглянула на портрет. Он так похож...

– На кого?

– На мистера Вальгрева, дядя.

Все, конечно, обернулись к мистеру Вальгреву, который сидел в конце большого дубового стола и задумчиво осматривал комнату.

Портрет Джона Клеведона изображал человека с короткими темными волосами, завивавшимися мелкими локонами над высоким, несколько лысым лбом, с блестящими серыми глазами, казавшимися черными от черных ресниц и бровей, и с коротким орлиным носом с красиво очерченными ноздрями. Если бы не нос и брови, придававшие лицу какое-то зловещее

выражение, оно могло бы назваться очень красивым. И не физической только красотой отличалось оно: нельзя было сомневаться в силе ума человека с таким лицом.

Мистер Вальгрев поднял глаза и устремил внимательный взгляд на портрет. Да, сходство действительно было, и скорее в выражении, чем в чертах лица, хотя и в чертах было много сходного. Глаза у обоих были одного цвета, волосы росли одинаково над задумчивыми лбами. Когда живой человек смотрел на изображение умершего, лица их казались еще более сходными. Можно было подумать, что между ними существует какая-нибудь таинственная связь.

– Мне очень лестно такое замечание, – сказал мистер Вальгрев холодно. – Сходство, хотя бы самое слабое, с человеком, оспаривавшим первенство у красивого негодяя Карра, должно внушать гордость. Но мне кажется, что оно существует только в поэтическом воображении мисс Редмайн.

– Нисколько, – воскликнул дядя Джемс. – Всякий скажет, что вы на него похожи.

– В таком случае джентльмен должен иметь сходство и с моим покойным господином, – сказал Тристрам Молес, дворецкий. – Сэр Лука был настоящий Клеведон. Мои старые глаза теперь плохо видят, но если джентльмен похож на одного, он похож и на другого.

Мистер Ворт нетерпеливо повернулся.

– Лучше было бы не терять здесь попусту времени, если вы хотите осмотреть дом, – сказал он, и все отправились далее и осмотрели столовую с ее открытым готическим потолком, столовую, в которой могли свободно обедать сотни две людей, бильярдную, музыкальную комнату, утреннюю комнату, бальную комнату, и вернулись назад в швейцарскую по ряду сравнительно небольших комнат, выходивших окнами в голландский сад, а из швейцарской отправились наверх, огласив дом шумом своих шагов по широкой каменной лестнице.

Наверху были парадные спальни с высокими перинами, с занавесами и с общим видом необитаемости; были и другие комнаты, в которых мебель и отделка были новее, но на всем лежал более или менее отпечаток обветшалости. Нечистоты нигде не замечалось. Мистрис Молес и ее помощницы неутомимо старались поддерживать в доме порядок, но местами просачивалась сырость, местами отстали обои, в одной комнате треснула панель, в другой было разбито окно. Все, что могло полинять – полиняло, все, что могло сгнить – сгнило, но дом в начале был так великолепен, что казался великолепным и в разрушении.

Во все времена осмотра мистер Вальгрев и Грация были вместе. Так случилось, ни с той, ни с другой стороны не заметно было старания быть ближе друг к другу. Мистер и мистрис Редмайн разговаривали с управляющим, жаждавшим новостей из другого, не кингсберийского мира, и все трое по временам останавливалась, пока мистер Ворт задумчиво разглядывал успехи разрушения. Обойдя все комнаты, осмотрев темные картины, китайский фарфор и все хорошенькие безделушки, к которым некогда прикасались с любовью руки, теперь уже не существовавшие, Грация и ее спутник приостановились в комнате с красивым большим окном над главным входом. Эта комната, самая красивая, самая веселая в верхнем этаже, была гостиная, отделанная в индийском вкусе, с оригинальными резными стульями, со шкафами сандалового дерева, со шкатулками из слоновой кости с серебром, с большими вазами, наполненными сухими розовыми листьями все еще издававшими слабый запах.

– О, какая милая комната! – воскликнула Грация с восторгом, остановившись пред окном и глядя на обширный вид, прекрасный в своем пышном летнем убранстве. – Как приятно, должно, быть жить, имея постоянно перед глазами такую картину! Наш Брайервуд в низменном месте, и мы не видим ничего, кроме нашего сада. Это комната леди Клеведон, – не последней леди Клеведон, та, бедная, никогда не была здесь, – но матери сэра Луки. Она была дочерью индийского генерала, и все эти вещи прислал ей отец. На камине есть миниатюрный портрет сэра Луки, снятый с него, когда он был еще мальчиком, – продолжала она, переходя комнату, чтобы взглянуть на портрет. – Какая хорошенькая курточка и какой большой воротничок! Да, сходство, конечно, есть.

– С кем?

– С вами. Разве вы не помните, что сказал мистер Молес? Если вы похожи на сэра Джона, вы должны быть похожи и на сэра Луку. И сходство действительно есть, в особенности в глазах и в выражении.

– Странно, – сказал мистер Вальгрев равнодушно.

– Мне, может быть, следует гордиться таким сходством. Клеведоны, по-видимому, такие важные люди.

– Их род, – сказал мистер Ворт, очень древний, и был еще известен во дни Плантагенетов. Жаль, что сэр Лука прожил все состояние, не правда ли?

– Я уверен, что сын его с вами согласен, – отвечал мистер Вальгрев сухо. – Впрочем, по словам мистера Ворта, имение очистится от долгов через год или два, и сэр Френсис получит возможность поселиться здесь. Приятно сделаться обладателем такого поместья тридцати лет от роду. Владея им, можно не трудиться для приобретения известности, оно даст известность.

– Желали бы вы быть в таком положении? – спросила Грация улынувшись.

– Очень. Я многое отдал бы, Грация, чтобы не быть в зависимости от света, чтобы не быть вынужденным идти по дороге, намеченной много лет тому назад и во что бы то ни стало достигнуть известной цели. Я сам не знал, как трудно будет достигнуть этой цели, как тяжело не иметь свободы жить как угодно, пока не... до последних дней.

Девушка взглянула на него с удивлением и с очень бледным лицом.

– Как же вы узнали это в последние дни? спросила она.

– В эти дни я сделал роковое открытие, Грация.

– Какое открытие?

– Что я люблю вас.

Она с минуту поглядела на него недоверчиво и залилась слезами.

Он обнял ее и прижал к себе, глядя на нее с любовью, но не с торжеством счастливого влюбленного.

– Моя дорогая, моя бесценная, не плачьте. Я не стою ни одной из этих слез. Тайна высказана, хотя я не имел намерения ее высказывать. Я обнял вас на минуту, в первый и в последний раз. Я, видите, даже не целую вас. Я люблю вас всем сердцем и всею душой, Грация Редмайн, но я помолвлен с другою женщиной. Я говорю вам оба факта разом. Вся моя будущность зависит от брака, а я недостаточно равнодушен к своей будущности, чтоб от него отказаться.

Грация тихо высвободилась из его рук. Лицо ее сияло. Он любит ее, а потом хоть потоп! Какое ей было дело в эту минуту торжества, что он должен жениться на другой женщине?

Знать, что он любит ее, было само по себе таким счастьем, что в ее сердце не было места для горьких чувств.

– Вам было бы неприятно, если бы я вышла замуж за фермера? – спросила она, с улыбкой глядя на него.

– Избави Бог. Я желал бы, чтобы вы остались навсегда в стороне от толпы, отдельною блестящею звездой. Я должен идти моею дорогой и жить моею жизнью; так написано в книге судеб. Но знать, что Грация Редмайн стоит выше мира, в котором я живу, было бы большим утешением для меня.

Утешением для него! Он даже не подумал, не нуждается ли она тоже в утешении. Однако он знал, что она любит его, он подозревал это уже несколько дней и теперь думал, что поступил замечательно благородно, сказав ей откровенно о своем положении. Очень немногие поступили бы так на его месте, думал он.

Дверь комнаты была полуотворена, и в эту минуту слышались приближавшиеся шаги и голоса остального общества. Грация вытерла слезы и отошла к окну, чтобы собраться с духом для встречи с своими родственниками. Мистер Вальгрев последовал за ней, открыл окно и сделал какое-то замечание о ландшафте, чтоб прикрыть ее волнение.

– Ну, теперь когда мы осмотрели весь дом, мистер Вальгрев, не мешает нам подумать и о подкреплении сил, – сказал Джемс Редмайн. – Где мы будем обедать, в саду или в парке?

– Не в саду и не в парке, – отвечал мистер Вальгрев. – Мы вообразим себя Клеведонами и пообедаем в большой столовой.

– Э, так вы вот как! А я думал, что вы хотите непременно раскинуть скатерть на траве и пообедать на воздухе. Впрочем, надеюсь, что мистер Молес не имеет ничего против вашего желания.

– Решительно ничего, мистер Редмайн. Вы можете расположиться в столовой как вам угодно. Все, кого бы ни привел мистер Вальгрев, здесь дорогие гости. Я и жена моя принесем все, что вам нужно.

– Мы сами принесли с собою все, что нам нужно, – гордо возразила мистрис Редмайн. – Я собственными руками уложила корзины.

– Если так, то мы будем только прислуживать вам, мистрис Редмайн, – отвечал дворецкий.

Все отправились вниз. Тетушка Ганна и мистер Молес шли впереди, таинственно рассуждая об обеде; мистер Ворт и мистер Редмайн следовали за ними, толкуя о земледелии. Грация и Губерт Вальгрев были последние.

– Проведем счастливо хоть один день, Грация, – сказал он, спускаясь медленно по широкой лестнице.

– Забудем, что существует будущее, и будем счастливы настоящим.

– Могу ли я не быть счастлива, когда я с вами? – отвечала она, не подозревая, как опасно было с ее стороны такое откровенное признание.

Глава VII

Если бы этот день длился вечно!

В конце столовой был небольшой овальный стол, небольшой сравнительно с другими столами, стоявшими по обеим, сторонам комнаты, но такой, что вокруг него могли свободно усесться человек двенадцать или четырнадцать. На этом столе обедал принц регент с немногими избранными, когда все графство съезжалось в Клеведон, и на этом же столе было выложено, по настоянию мистера Вальгрева, все, что заключалось в корзинах мистрис Редмайн. Он сам помог расстелить скатерть и подавал Грации стаканы, ножи и вилки так проворно, как будто это было для него делом привычным.

— У нас пикники бывают большею частью в комнатах, — сказал он, — и я всегда помогаю накрывать стол, когда у меня завтракают или обедают друзья мои. Какое угощение вы приготовили нам, мистрис Редмайн! Я просил только телятины и салату, а вы приготовили роскошный обед. Пирог с голубями, вареная говядина, цыплята под соусом — и скажите, пожалуйста, что это за мокрая смесь в каменной чашке? Разве мы возвратимся к дням нашего детства и будем есть творог с сывороткой?

— Это пирожное, мистер Вальгрёв, — возразила тетушка Ганна обиженным тоном. — Его не легко делать, но в этот раз оно мне удалось. Многим оно очень нравится.

— Будьте уверены, мистрис Редмайн, что я сумею оценить ваше пирожное. Теперь, Грация, садитесь в конце стола и будьте леди Клеведон, а я сяду против вас и буду сэръ Губерт. Мистер Ворт, садитесь направо от ее светлости, мистрис Редмайн, я прошу вас сесть рядом со мной, а остальные где кому угодно.

Молодые Редмайны вернулись к этому времени из парка, и все общество, за исключением Грации, принялось с большим аппетитом уничтожать пирог с голубями, вареную говядину, цыплят, соус и другие приправы в виде огурцов, салата и т. п.; между тем как мистер Молес, дворецкий, прислуживал им с таким же торжественным видом, будто воображал себя во главе толпы слугителей на одном из банкетов давно минувших времен. Он усмехнулся раза два спокойной улыбкой при шутивых замечаниях мистера Вальгрева, но вообще был олицетворением торжественности и разливал брайервудское пиво и херес мистера Вальгрева так же величественно, как в былое время разливал дорогой рейнвейн и мадеру.

Обед прошел очень весело. Мистер Вальгрёв казался таким довольным, как будто слава его и состояние были уже составлены, и ему осталось только наслаждаться жизнью. Он говорил и шутил неумолкаемо, между тем как молодые Редмайны, одаренные смутным чувством юмора, громко хохотали в промежутках между своим важным занятием, а Грация улыбалась на своем почетном месте и сияла как фонтан под солнечными лучами. Ей не нужно было говорить. Достаточно было, что она смотрела такую веселую и прекрасную. Может быть, всякая птичка в Брайервудском саду могла съесть столько же, сколько съела в этот день мисс Редмайн, по человек способен наслаждаться пищей только когда все духовные радости угасают в его душе. Грация питалась в этот день пищею, выросшею не на земной почве. Она была в волшебном мире и смотрела на действительность такими же глазами, как Титания, ласкавшая своего прозаического возлюбленного.

Они провели в столовой часа два, показавшиеся Грации полчасом невозмутимого блаженства, потом отправились в цветник.

Клеведонский цветник занимал около восьми акров и был когда-то главным украшением поместья. Оставленный в печальном пренебрежении, он густо зарос кустами жасмина, роз и жимолости. Дорожки покрылись мхом, над аллеями образовались непроницаемые зеленые своды; тут валялась сломанная статуя, там лежал пустой мраморный водоем от фонтана.

В конце одной из аллей был большой пруд, полу-заросший водяными лилиями, другая выходила на широкий луг, окруженный густой изгородью из остролистника. Только трава местами была скошена, и итальянский цветник леди Клеведон содержался в порядке. Все остальное было в хаотическом состоянии.

– Если бы я был миллионер, я оставил бы хоть один сад в таком виде, – сказал мистер Вальгрев, гуляя между розовыми кустами и цепляясь за ветки, преграждавшие дорожки. – Я всегда воображал себе розовую беседку у Бендемирского потока таким же заглушимым местом. В этих густых массах зелени встречаются такие чудные формы и краски, каких никогда не составит никакой садовник.

Грация, конечно, согласилась с ним. Она считала всякое слово, выходившее из его уст, перлом премудрости.

Отыскав зеленую беседку, большую и прохладную, мистер Ворт и дядя Джемс остались в ней курить и пить молочный пунш, и пригласили в свой приют старого дворецкого. Но нельзя было ожидать, что мистер Ворт останется в обществе дворецкого, и мистрис Джемс нимало не удивилась, когда он, попробовав пунш, ушел гулять так же, как и Грация, с ее кузенами. Кузены скоро скрылись из скучного сада в лес, где можно было погоняться за разной дичью и полазить по деревьям, и Грация осталась опять наедине с мистером Вальгревом.

Этот день был, может быть, самым счастливым днем ее краткой жизни, – днем невозмутимого блаженства. Что за беда, что ее возлюбленный вслед за признанием в своей любви сказал ей, что между ними лежит непроходимая преграда? Придет время, когда мысль об этом приведет ее в отчаяние, но это время еще не пришло. Он любил ее, и в этом заключалось все счастье, какое она могла себе вообразить. Она думала о нем, как о человеке, стоящем несравненно выше ее, она отдала ему свое сердце в детском неведении, что приносит жертву. Жизнь ее была в последнее время очень хороша только потому, что он был близко от нее. Даже когда она считала его равнодушным к ней, ей было достаточно видеть его лицо, слышать его голос. Каково же было ей узнать, что он любит ее, что это высшее, почти невероятное счастье выпало на ее долю? Из всех женщин, которые обожали его – девушка с таким сентиментальным характером, как Грация, способна вообразить, что все другие женщины, встречавшиеся с ее идеалом, не могли не обожать его – из всех женщин он выбрал ее. Непостижимое снисхождение! Безумное сердце все еще замирало от восторга при воспоминании о блаженном мгновении, когда он произнес: «Грация, я люблю вас».

Что же касается мистера Вальгрева, это прогулка по запущенным цветникам и фруктовым садам, со случайными остановками для того, чтобы нарвать роз или набрать земляники на широкий фиговый лист, показалась ему тоже далеко не неприятною, хотя в его чашу наслаждения примешивалась доля горечи и сожаления. Счастливое лицо Грации даже среди роз омрачалось в его глазах страшною тенью будущего. Как ни хорош был этот день, следующий был близко. Как покинуть девушку, так горячо его любящую? Он сознавал, что это будет для него большим испытанием. Но неделю тому назад он смотрел очень легко на свое увлечение и говорил себе, что он менее кого бы то ни было способен горевать при разлуке. Хорошенькие лица были для него не новостью. Он жил между привлекательными женщинами, которые ухаживали за ним с тех самых пор, как его профессиональная карьера стала подавать надежды на богатую жатву в будущем.

«Как бы тони было, но я сказал ей правду, – думал он, глядя на оживленное лицо Грации, сиявшее величайшим счастьем. – Я этим очень доволен. Какое она милое, доверчивое существо, нимало не заботится о будущем, неспособна ни на какие эгоистические расчеты, довольна только тем, что любима! Жаль, что я не придержал языка. Мне следовало бы завтра же уехать из Брайервуда. Остаться здесь все равно, что остаться на краю пропасти. Однако...» Однако он намеревался остаться и остался.

Послеобеденное время продолжалось три часа. Трубки, разговоры, пунш и сладкая дремота сократили для старших течение времени, и только когда стало заметно смеркаться, когда посвежел воздух и летний ветерок зашумел деревьями, они поняли, что незаметно подкрался вечер, и мистрис Джеймс захлопотала о чае. Без чая праздник казался бы неоконченным.

К счастью, все было уже приготовлено, иначе они не успели бы напиться засветло. Сыновья мистрис Редмайн выбрали в роще удобное место, развели костер, вскипятили воду. «Матушке» осталось только заварить и разлить чай.

Все весело отправились в рощу, оглашенную голосами птиц, которым следовало бы быть соловьями, если они ими не были, и уселись на зеленой лужайке, окруженной высокими каштанами, между тем как невдалеке трещал и дымился догоравший костер.

Грация с восторгом хлопала руками.

– О, как хорошо было бы остаться здесь навсегда! – воскликнула она.

«О, как хорошо было бы остаться здесь навсегда, как хорошо было бы, если б этот день длился вечно!» – подумала она, и вдруг ей представилось, что этот блаженный день унесет с собой все ее счастье. Она впервые начала сознавать настоящее положение вещей, впервые явилось у нее предчувствие будущих страданий, разлуки, слез, смерти. Разве лишиться его не все равно, что умереть? – подумала она.

Он сел рядом с ней. Тетушка Ганна посмотрела на них подозрительно, но не заметила ничего особенного в их обращении. Очень естественно, что мистер Вальгрёв любезен с Грацией, которая действительно хорошенькая девушка и на пятнадцать лет моложе его. Опасности никакой нет, решила она.

Питье чая прошло приятно, мирно, патриархально. Молодые Рейдманы и отец их ели и пили с таким аппетитом, как будто в рот ничего не брали в последние сутки. К чаю были поданы в изобилии мелкие морские раки, такие красные и хорошенькие, что хотелось нанизать из них ожерелье, – раки и сладкий пирог. Молодые Редмайны ни от чего не отказывались и были так шумно веселы в своем возбужденном состоянии, что Губерт Вальгрёв и Грация могли незаметно вести тихий, неслышный для других разговор. Грация опять прояснилась и опять забыла, что жизнь не ограничилась одним этим днем, забыла все, кроме того, что он был с ней.

Сумерки превращались в ночь, когда общество, уложив посуду в корзины, отправилось в обратный путь. Пока остальные собирались, мистер Вальгрёв и Грация ушли немного вперед, но не скрылись из виду, так что тетюшка Ганна могла видеть светлое платье своей племянницы, мелькавшее между деревьями, могла слышать ее счастливый смех. Лишь только все остальные собрались вместе и пустились в путь, как пронзительный крик огласил рощу.

– Боже праведный! Это что такое? – воскликнула мистрис Джеймс. – Это голос Грации. Беги скорей, Чарли.

Оба брата бросились вперед, и один из них наткнулся на мистера Вальгрёва, который возвращался, держа на руках Грацию. Голова ее лежала на его плече, лицо было покрыто смертельной бледностью.

– Она в обмороке, – сказал он. – Я не понимаю, почему она так испугалась. Мы сели на опрокинутое дерево, чтобы дожидаться вас, и вдруг ехидна проскользнула между нами и проползла по ее платью. Она так испугалась, что упала в обморок.

Он тихо опустил ее на траву и положил ее голову на колени тетки. Все родные казались более испуганными, чем можно было ожидать.

– Это только обморок, – сказал мистер Вальгрёв успокоительно. – Опустите ее голову на траву, и она скоро придет в себя. Сделайте одолжение, Чарли, сбегайте за водой.

Он стоял на коленях возле девушки, держа одну из ее холодных рук. Лицо ее было бледно как у мертвой, и тетюшка Ганна не сводила с него испуганного взгляда.

– Для нее обморок не то что для других, – сказала она, растирая свободную руку племянницы. – Ее не легко привести в чувство. То же самое было с ней в день отъезда ее отца, и намучились же мы тогда с ней. Я думала, что она умерла. Всему причиной, как видите, ее сердце.

– Ее сердце! – воскликнул мистер Вальгрев с испугом. – Что же такое с ее сердцем?

И он поспешно положил руку на грудь девушки.

– Боюсь, что у нее есть какой-нибудь порок в сердце. Ее мать умерла от болезни сердца, пошла однажды наверх за работой и упала у лестницы. Доктор сказал, что ее сердце мгновенно перестало биться. Этот же доктор говорил, что Грация не долговечна, – слишком похожа на мать.

Он почувствовал слабое сотрясение под своею рукой. Слава Богу, сердце, так горячо, так безумно любившее его, не перестало биться. Но он так испугался, что когда Грация открыла глаза и взглянула на него, он был так же бледен, как она.

Она вздохнула долгим, дрожащим вздохом, выпила несколько ложек воды, объявила, что чувствует себя совершенно здоровою, и встала, дрожа с головы до ног.

– Я, кажется, перепугала вас, – сказала она. – Это было очень глупо с моей стороны, но я ужасно испугалась этой гадкой ехидны. Она никого не укусила, не правда ли? – спросила она и с беспокойством взглянула на Губерта Вальгрева.

– Нет, Грация, никакой беды не случилось, – отвечал он с ободрительною улыбкой, хотя лицо его было все еще бледно. – Вы испугались самого безвредного червя. Я не думал, что вы нервны как великосветская барыня.

– Но ведь это была ехидна, – оправдывалась Грация. – От укуса ехидны часто умирают. И она проскользнула между нами, как будто... как будто...

Она не договорила, но Губерт Вальгрев понял, что она хотела сказать: «как будто пришла разлучить нас».

– Возьмите мою руку, мисс Редмайн, – сказал он самым непринужденным тоном, – и не бойтесь ехидн. Я считаю их вполне безвредными, если только они не принимают образа двуногих. Чувствуете вы себя в силах идти домой? Или хотите отдохнуть немного?

– Я нисколько не устала. Я хочу идти не отдыхая.

И они пошли рука в руку по узким тропинкам между полями, посеребренными лунным сиянием, то задевая усатый ячмень, пушистый овес и быстро созревавшую рожь, то выходя на лужайку, покрытую мягкой молодой травой с кое-где чернеющими группами деревьев. Они были одни, хотя шли только на расстоянии нескольких шагов от Редмайнов, и Грация забыла об ехидне.

Глава VIII

Вспомни, как она плакала, прощаясь с тобою

Прошло, однако, несколько времени, прежде чем мистер Вальгрев забыл то, что слышал в саду о болезни сердца и о смерти матери Грации. На следующий день он нашел случай расспросить мистрис Джемс о подробностях этого события и заставил ее повторить слова доктора о Грации. Оказалось, что невинное молодое сердце никогда не подвергалось исследованию; доктор сказал только однажды мистрис Джемс, что замечает в наружности ее племянницы нечто не совсем хорошее и опасается, что в ней разовьется та же болезнь, которая и была причиной смерти ее матери. В то время, когда это было сказано, Ричард Редмайн был еще в Англии, но его невестка не сочла нужным пугать его словами доктора.

– Если это болезнь сердца, – сказала мистрис Джемс, – она неизлечима; если же доктор ошибся, жестоко было бы пугать бедного Ричарда, у которого в то время было и без того много неприятностей.

– Вы совершенно правы, мистрис Редмайн. – Доктору просто хотелось приобрести лишнюю практику. В таком благодатном климате его профессия не выгодна. Болезнь сердца! Я никогда не поверю, что у вашей племянницы болезнь сердца. В ее годы это невероятно.

– И мне так кажется, мистер Вальгри, но ее матери было только двадцать семь лет, когда она умерла. Норбиты вообще недолговечны. Мать Грации была из семейства Норбитов.

Но мистер Вальгрев не хотел отказаться от своей точки зрения, не хотел допустить, чтобы такое милое существо, как Грация Редмайн, было обречено исчезнуть из мира преждевременно и мгновенно. Он смеялся над мнением доктора, пока не освободился от тревоги, которую оно ему внушало.

Несколько дней спустя после пикника, случилось событие, отвлекшее его внимание в другую сторону. Он почти решился покинуть Брайервуд и провести остаток своей длинной вакансии где-нибудь в другом месте. Он сознавал опасность своего положения в Брайервуде. Здоровье его уже поправилось, и во всех отношениях благоразумнее было уехать.

Однажды вечером он уложил свой чемодан, отыскал свой путеводитель и начал внимательно изучать дороги. Почему не провести осень за границей? В Испании, например? Ему давно хотелось побывать в Испании, чтоб увидеть Альгамбру, но в этот вечер черноокие девушки и бой быков не имели ничего привлекательного для него, и он с досадой бросил свой путеводитель в дальний угол.

«Почему мне бежать от нее, когда я люблю ее так сильно? – спросил он себя. – Разве не может человек жить двумя жизнями – отдать свое внешнее существо и труд свету, а сердцем жить для самого себя? Другие поступают не так. Есть ли на свете человек, который отказался бы от такого сокровища, как эта девушка?»

И мистер Вальгрев впал в глубокую задумчивость, и лег в постель на рассвете, чтобы провести три мучительных часа, ворочаясь с боку на бок, терзаемый самыми тревожными мыслями, какие когда-либо приходили ему в голову. Он старался примирить вещи непримиримые. План его будущности был уже давно составлен и составлен очень умно, как он думал. Он не хотел допустить в нем никаких изменений, и все новое, что могло возникнуть в его жизни, должно было подчиниться этому плану. Он был не такой человек, чтобы свернуть с дороги, которую сам проложил для себя, с широкой дороги к славе и к богатству. Он ни от чего не хотел отказаться.

Но если бы можно было сохранить все, чем он так дорожил и вместе с тем не отказаться от счастья, которое было так возможно и близко. Слава и богатство придут в будущем, он не сделает ничего, что могло бы преградить дорогу к ним. Но почему не воспользоваться сча-

стием, которое дается в настоящем и не предоставить будущему, насколько оно касается Грации Редмайн, устроиться по воле судьбы? Если злое предсказание доктора оправдается, и она действительно проживет недолго, тем легче будет обеспечить ее счастье в будущем. Не было жертвы, кроме полного отречения от своих планов, которой он не принес бы для нее, и он строил план за планом, разрушая их один за другим, и, встав утром с постели, сказал решительно:

«Я ставлю себе долгом забыть ее. Таким шагом люди всегда губят себя. Рано или поздно приходится пожалеть о своей неосмотрительности. Я прожил до сих пор, не сделав ни одной ошибки. Глупо было бы начинать теперь».

Он сошел вниз и вышел в сад. Было еще рано. В доме, молочне и в ферме веселая суета фермерской жизни была во всем разгаре. Грация, с корзиной на руке и прекрасная как Теннисонова дочь садовника, срезала в саду большими садовыми ножницами поблекшие розы.

Яркий румянец, ожививший ее бледное лицо, взгляд радостного удивления, – как все это было хорошо!

«А я должен отказаться от всего этого», – подумал мистер Вальгрев с мучительной болью. К этому времени он уже окончательно решил уехать, но не мог собраться с духом сказать это ей. «Лучше отложить до последней минуты и тогда одним отчаянным усилием покончить все», – подумал он.

Они пошли бродить по саду. Грация продолжала срезать розы, делая свое дело не так старательно, как сделала бы его, если бы с ней не было ее спутника. Он говорил с ней, его глаза следили за ней. Он не сказал ей ни слова о своей любви после того дня, который они провели в Клеведоне, не сказал ей вообще ничего такого, чего не мог бы повторить при ее тетке или дяде, но она была вполне счастлива. Она не забыла, что он помолвлен с другою, что он уедет и оставит ее одну, но она не могла горевать, пока он был с ней.

Они провели в саду около часу. Грация завтракала полчаса тому назад, завтрак мистера Вальгрева ждал его в прохладной гостиной. Он, наконец, медленно повернулся к дому. Грация продолжала идти рядом с ним. В это время, когда тетюшка Ганна была занята в молочне, некому было следить за ними. Они разговаривали о книгах, которые Грация прочла в последнее время, о книгах, которые открыли ей новый мир, и мистер Вальгрев восхищался ее меткими суждениями.

– Если все воспитанницы мисс Тульмин похожи на вас, Грация, я во что бы то ни стало отдам моих дочерей в ее пансион, – сказал он.

Она посмотрела на него с минуту и побледнела. «Мои дочери». Он говорит о том времени, когда будет женат на другой, когда она, Грация, не будет существовать для него. Его беспечные слова резко напомнили ей, что он для нее чужой и всегда будет чужим.

– Вы забудете о моем существовании к тому времени, когда надо будет выдать в пансион ваших дочерей, – сказала она.

– Забуду о вашем существовании, Грация! Никогда. Судьба управляет нашими жизнями, но не нашими сердцами. Я никогда не забуду вас. Я поступил очень неблагоразумно, сказав вам о впечатлении, которое вы произвели на меня. Это было оскорблением как для вас, так и для... для другой особы. Но надеюсь, что вы простите меня.

Он говорил так спокойно, как только мог, но чувства его были далеко беспокойны. Она молчала. Хладнокровный тон его извинения задел ее за живое. Она сама не знала, на что надеялась, о чем мечтала в последние дни, но дни эти были так полны счастья, что образ ее соперницы, женщины, на которой он должен был жениться, казался ей смутным и неопределенным.

– Мне нечего прощать вам, – сказала она холодно. – Оскорблена не я, а она... другая особа.

– Другая особа, конечно, очень оскорбилась бы, если б я сознался ей во всех моих преступлениях. Но я не имею ни малейшего намерения сознаваться. Другая особа умрет, не узнав ничего. Но я хочу быть уверен, что вы простите меня, Грация. Поднимите глаза и скажите: я прощаю вам, что вы так горячо любите меня.

Грация улыбнулась горькою улыбкой.

– Так горячо что вы... что вы уедете и женитесь на другой, – сказала она.

– Дорогая моя! – воскликнул мистер Вальгрев, которому вовсе не нравился неожиданный оборот разговора, – в нашем мире мало людей, которые могут жить как им нравится. Я уже давно избрал себе дорогу. Я не могу поступать, как мне угодно. Если б я мог...

– Если бы вы могли, – перебила его Грация с отчаянною решимостью, столь же неожиданною для нее самой, как и для него, – если бы вы могли поступать как вам угодно, вы женились бы на бедной дочери фермера.

– Да, Грация, я женился бы на вас, если бы был обладателем Клеведона и имел пять тысяч годового дохода. Но мне приходится прокладывать себе дорогу в жизни, и я так малодушен, что дорожу успехом. Я помолвлен с женщиной, состояние которой поможет мне приобрести и поддержать положение в свете. Я как будто продаю себя, не правда ли?

– Да, похоже на то.

– Мужчины поступают так часто, так же часто, по крайней мере, как женщины, и в десяти случаях из двадцати спекуляция оказывается удачною. Я надеюсь быть очень удовлетворительным мужем. Я не промотаю состояния моей жены и буду сопровождать ее на званные обеды. Я, может быть, даже дам ей такое же место в моем сердце, какое она даст мне в своем, но я любил только одну женщину, и женщина эта Грация Редмайн.

Девушка молчала. Он был жесток, он был низок, ко ей тем не менее приятно было слышать, что он любит ее. Она верила ему всем сердцем и всею душой.

– Я не ожидал, что разговор наш примет такой оборот, – продолжал он после довольно долгой паузы. Я хотел проститься с вами и уехать, не сказав ни одного лишнего слова.

Она подняла на него глаза с внезапным ужасом в лице.

– Вы уезжаете! – воскликнула она. – Скоро?

– Очень скоро, сегодня, если будет возможно. Что мне делать здесь? Разлука необходима, чем скорее, тем лучше.

Она хотела отвечать ему, но ее губы только задрожали, и слезы выступили на глазах. Никакое красноречие не тронуло бы его так, как этот безмолвный взгляд, как эти детские слезы. Она любила его, может быть, только безотчетною детскою любовью, но как чиста и прекрасна была эта любовь!

Они бессознательно удалялись от дома с тех пор, как разговор их принял более нежный оборот и медленно приближались к фруктовому саду, где никто не мог видеть их. Мистер Вальгрев обнял рукой талию Грации и прижимал ее к себе, утешая ее, пока ее голова не опустилась на его плечо. Он нагнулся и поцеловал ее чистый молодой лоб.

Вот как он начал забывать ее!

– Дорогая моя, – сказал он умоляющим тоном, – ваши слезы терзают мое сердце. Я хочу поступить благоразумно и справедливо. Клянусь моею душою, Грация, что я отказался бы от всех светских расчетов, в эту минуту он полагал, что говорил правду, – если бы честь моя не была связана с браком, о котором я говорю. Но честь моя обязывает меня исполнить обещания. Я был бы самым низким из обманщиков, если бы не исполнил его. Так будем же благоразумны, моя милая. Я хочу поступить так, как будет лучше для вас, для нас обоих. Разве вы не согласны со мной, что я поступлю благоразумно, уехав отсюда?

– Не знаю, будет ли это благоразумно или глупо, отвечала она рыдая, – но я знаю, что сердце мое разобьется, если вы уедете.

Он крепче прижал ее к себе. Боже, почему нет у него пяти тысяч годового дохода, почему не имеет он возможности жениться на этой провинциальной девушке!

– Но подумайте, дорогая моя, – сказал он, всеми силами стараясь не выйти из границ благоразумия, – подумайте, что разница только в неделе или около того. Мне очень приятно быть с вами. Я не знал, что такое счастье, пока не знал вас, но не могу же я остаться здесь навсегда. Рано или поздно надо будет расстаться, и каждый лишний час, который мы проведем вместе только усилит горечь разлуки. Не лучше ли было бы расстаться немедленно? Скажите да, Грация, ради нас обоих.

– Не могу, – отвечала она. – Я не могу желать, чтобы вы уехали. Если вы счастливы здесь, для чего спешить? Я знаю, что никогда не буду для вас чем-нибудь больше того, что я теперь, что вы рано или поздно должны уехать к той, к другой.

– И вы все-таки желаете, чтобы я остался?

– Да, да.

– Хорошо, я останусь, но помните. Грация, что я остаюсь по вашей просьбе. Когда придет время расстаться, вы будете благоразумны. Мы погребем нашу любовь в глубокую, глубокую могилу, и вы забудете о моем существовании.

– Мы погребем нашу любовь, – отвечала она покорно.

Мистер Вальгрев вернулся к своему завтраку с очень плохим аппетитом и с смутным сознанием, что в конце концов он все же остался в глупом положении. Все колебания из стороны в сторону, все принятые и отброшенные намерения и окончательные решения уехать не привели ни к чему. Он обещал остаться.

«Да поможет Бог всякому тридцатипятилетнему человеку, имевшему несчастье приобрести любовь восемнадцатилетней девушки!» – сказал он себе. «Милая Грация, какой она еще ребенок»!

Грация возвратилась в гостиную, набрав только четверть корзинки поблекших роз, хотя их было немало на кустах. Из полуотворенной двери кухни, выходявшей в коридор, слышался громкий говор и протестующий голос мистрис Джемс.

– Ничто не могло быть несвоевременнее, – восклицала она. – Добрых два месяца прежде, чем можно было ожидать. А я все обдумала, все устроила и все было бы как следует, если бы только младенец родился в свое время.

Грация слушала с недоумением, но через несколько минут мистрис Джемс вбежала в комнату и объяснила ей, в чем дело.

– Вообразите, Грация! Присцилла Спроутер родила вчера ночью.

Присцилла Спроутер, дочь мистрис Джемс, была замужем за богатым кондитером небольшого городка Чикфильда, в сорока милях от Брайервуда. Преждевременнородившийся младенец был вторым внуком мистрис Джемс, с которой было взято торжественное обещание быть в Чикфильде во время этого события и прогостить у дочери две недели, чтобы позаботиться об ее здоровье и об ее хозяйстве.

Но событие это должно было случиться в октябре и, соображаясь с этим, мистрис Джемс сделала все свои распоряжения и пригласила благонадежную женщину принять бразды правления в Брайервуде во время ее отсутствия. И вдруг является нарочный верхом, на нечищенной лошади и привозит письмо, объявляющее о несвоевременном рождении прекрасного мальчика.

– Прекрасного, нечего сказать! – воскликнула мистрис Джемс с досадой. – И требуют, что б я ехала к ним немедленно, потому что отец Вильям Спроутер очень беспокоится.

– Я думаю, что вам следует ехать, тетушка, – сказала Грация нерешительно.

– Вы думаете? А полтора решета орлеанских слив в кухне. Кто сварит их?

– Разве мистрис Буш не может сварить варенье, если вам необходимо ехать?

– Конечно, может. Всякий, кто может держать таз на огне, скажет вам, что он может сварить варенье. Но какое это будет варенье? Испортится, не простояв месяца. Нет. Грация, я не привыкла так обращаться с собственностью вашего отца. Я сварю варенье, и тогда уж поеду в Чикфильд. Но желала бы я знать, кто будет заботиться об обедах мистера Вальгрева без меня.

– Поручите это мне, тетушка. Мистер Вальгрев, кажется, не прихотлив.

– Не прихотлив! Пока все подается ему как следует, мужчина всегда не прихотлив, но попробуйте покормить его недожаренною телятиной или переваренною лососяминой, и тогда посмотрите что он скажет. Но как бы то ни было, а мне необходимо съездить хоть на несколько дней к Присцилле. Я послала Джека сказать мистрис Буш, чтоб она пришла немедленно. И надеюсь, Грация, что вы хоть раз в жизни выйдете из своей апатии и присмотрите, чтобы не расхищалось добро вашего отца. Если бы мистер Вальгрев был не такой степенный джентльмен, я ни за что не решилась бы оставить вас одну. Но он не похож на большинство холостых людей. От него нельзя ожидать никакой глупости.

Грация сильно покраснела и быстро повернулась к окну. Но мистрис Джемс была слишком занята, чтобы заметить смущение племянницы. Она хлопотала у большого буфета в углу близ камина, наполняя чайницу и сахарницу и рассчитывая, какое количество колониальных продуктов будет истреблено во время ее отсутствия.

– Вы дадите мистрис Буш четверку чаю и полфунта сахара на неделю, и ни зерна более. Помните это, Грация. И пожалуйста, не давайте прислуге купленного мяса более двух раз в неделю. Если не хотят есть свежую, здоровую солонину, пусть едят что угодно. Сара знает, какие обеды я готовила для мистера Вальгрева, а мистрис Буш будет стряпать для него. Но смотрите за всем собственными глазами и отдавайте сами приказания мяснику. Пусть варят бобы и чтобы не было разговоров, по вкусу они или нет. Ваш дядя снял их не для ворон. И не допустите истребить все сливы на пудинги для Джека и Чарли; если они хотят есть до расстройств желудка, пусть едят падаль. И желательно было бы, чтобы наволоки были хорошенько починены к моему приезду. Мисс Тульмин гораздо лучше сделала бы, если бы выучила вас чинить белье вместо *parlez vous Français*. Все, что ни дашь вам починить валяется так долго, что противно смотреть.

– Я сделаю все, что могу, – отвечала Грация покорно. – Долго думаете вы пробыть в отсуствии?

– Могу ли я это знать, душа моя? Если не случится ничего особенного с Присциллой и с младенцем, я не пробуду там более недели. Но она женщина деликатная, и Бог знает что может случиться. Теперь я пойду в лучшую гостиную проститься с мистером Вальгрой.

Грация села к отворенному окну, сильно взволнованная. Тетка уедет и целую неделю не будет следить своими пронизательными глазами. В эту неделю полнейшей свободы можно будет чаще видаться с любимым человеком. Грация знала, что он принужден был хитрить, чтобы провести с ней несколько минут, не возбуждая подозрения. Теперь все изменится. Целую счастливую неделю можно будет видаться без помехи. А потом? Потом настанет конец всему, и надо будет расстаться. Ужасный день разлуки придет рано или поздно, он сказал ей это прямо, и она старалась представить себе этот день, но не могла. Она была еще очень молода, и неделя казалась ей целою вечностью блаженства!

«Будет ли он рад, – спросила она себя. – Желала бы я знать, будет ли он рад?»

Если б она заглянула в сердце своего возлюбленного в ту минуту, когда мистрис Джемс Редмайн объявила ему о своем отъезде, она увидела бы, что он не был рад.

«Жаль, что я не уехал сегодня без всяких прощаний, – сказал он себе. – Уехать теперь, когда она просила меня остаться, было бы грубостью. Но остаться, когда наш дракон уезжает и мы будем иметь возможность проводить целые дни вместе, значит обречь себя на лишние страдания в будущем. Я не считал себя способным страдать из-за женщины, но теперь вижу, что эту девушку нелегко будет забыть. Жаль, что я встретил ее, жаль, что мне пришлось в голову

приехать сюда! Вздор! Можно ли тревожиться из-за такой сентиментальной глупости! Почему не насладиться неделей невинного ухаживания за хорошенькою девушкой? Затем я возвращусь в мой круг общества и забуду ее».

С таким похвальным намерением мистер Вальгрев вышел опять в сад в надежде встретиться с Грацией.

В этот раз его ожидания, однако, не оправдались. Мистрис Джемс варила в кухне варенье и держала возле себя Грацию, снабжая ее полезными хозяйственными советами. Тяжело было провести в жаркой кухне чудный летний день, полоская банки, вырезая и надписывая ярлыки и стараясь быть каким-нибудь образом полезною, но Грация покорила этому охотно. На следующий день ее ожидала полнейшая свобода.

Мистер Вальгрев обошел раза три сад, потом лег на траве в фруктовом саду и задремал, поддавшись усыпительному влиянию августовского полудня. Но сновидения его были не совсем приятны, и он встал, не освежившись, и медленно вернулся к дому. Проходя мимо решетчатого окна кухни, полузаросшего плющом, он увидел мельком Грацию, потерял надежду повидаться с ней, вооружился удочкой и пошел состязаться со старою, опытною щукой, с которою воевал уже шесть недель. Неучтивая тварь никак не хотела проглотить крючок, но очень искусно, вследствие долгой практики, портила его удочки.

Глава IX

«Нежный поцелуй, и мы расстанемся»

День клонился к вечеру, когда Губерт Вальгрев возвратился на ферму. В старом доме царствовала отрадная тишина, свидетельствующая об отсутствии мистрис Редмайн. Без обычной суеты был подан ему обед, приготовленный, может быть, не так вкусно, как в присутствии хозяйки, но мистер Вальгрев был не из тех людей, для которых обед высшее благо в жизни. Ему нравилось спокойствие, которое мистрис Джемс оставила за собой, ему приятно было думать, что сейчас он выйдет в сад, и никто не помешает ему провести там вечер в обществе Грации.

Он застал ее спящею за работой, за несносными наволочками, одну под кедром. Джемс Редмайн никогда не был легкомысленным человеком, но свобода очень приятна тому, кто пользуется ею редко, и он отправился в Кингсбери, чтобы провести там вечер, разговаривая о предметах текущего интереса с политиками своего околотка в комфортабельной гостиной трактира «Луна и Семь Звезд». Приближалось время жатвы, и каждый из посетителей мог сообщить что-нибудь интересное о своем урожае. С политикой и агрономией Джемс Редмайн не заметил, как прошел длинный вечер. Что же касается Джека и Чарли, они сидели на месте только когда ели. Движение было их нормальным состоянием.

Итак, Грация осталась одна под кедром, и весь вечер влюбленная пара провела в саду. О блаженное время! Время светлой радости, не омраченной заботой о будущем! Грация отдавалась своему счастью так же просто, как ребенок в начале праздника. Он был с ней, он исполнил ее просьбу и остался. Она не ожидала, что в жизни так много счастья, а между тем это была старая история: уверения в неизменной любви, – в любви, готовой на все, кроме самопожертвования, странная смесь страсти и светского благоразумия, меланхолическое философствование новейшей школы и неизменный припев: «Я люблю вас, Грация, но это невозможно».

Прекрасные летние дни следовали один за другим, и ничто не нарушало блаженства их счастья. Дядя Джемс продолжал наслаждаться свободой и, оправдываясь делами, проводил время то в Кингсбери, то в Танбридже. Грация ходила со своим возлюбленным удить рыбу на извилистый берег восхитительной речки, и смотрела, как он расставлял сети старой щуке или случайно вытаскивал борвену или язя. Но рыбная ловля была только предлогом для прогулок и разговоров. Он вырезал ее имя на серебристой коре старого бука и невольно подумал, что сказала бы Августа Валлори, застав его за таким сентиментальным занятием и рядом с ним Грацию, с восторгом следившую за его работой.

Да, славное было время, но длилось оно не долго. Мистер Вальгрев со страхом думал о своем собственном мире.

«Тем не менее я почти уверен, что через месяц такая жизнь надоела бы мне до отвращения, – сказал он себе. – Нет, лучше расстаться с моей милой, пока любовь наша не утратила своей свежести, чтобы каждый из нас мог до конца жизни сохранить в душе поэтическое воспоминание. Я женюсь на Августе, Грация выйдет за одного из своих кузенов, а в воспоминание о нашей подавленной любви каждый из нас сохранит цветок или прядь волос».

Такие рассуждения были очень утешительны для светского человека, решившегося приобрести себе имя и состояние и жить жизнью, которая наиболее нравилась ему, но едва ли они были по сердцу девушке, которая отдала ему свою душу и которую он обрекал прозябать с фермером.

Дни проходили и недели близились к концу. Тетушка Ганна уведомила свое семейство, что Присцилла Спроутер и ребенок чувствуют себя как нельзя лучше и что она, мистрис Джемс, надеется возвратиться домой в понедельник утром и не опоздать к стирке.

Это известие было сигналом к отъезду Губерта Вальгрёва. Он не желал подвергаться наблюдательным взглядам тетюшки Ганны после последней недели, изменившей его отношения с Грацией. Сельская идиллия длилась, по его мнению, уже достаточно долго. Теперь представлялась возможность прервать ее сразу. И вместе с тем этот практический человек считал часы, оставшиеся до мрачного понедельника, и думал с ребяческим наслаждением о длинном воскресенье, о колокольном звоне, о золотых полях, о тихом старом саде, где пышные мальвы уже предупреждали о близости осени.

Грация проснулась с каким-то смешанным чувством радости и грусти в это воскресное утро. Еще длинный день с ним! Последний день; но пока он был еще впереди, она считала себя счастливою. В саду было светло и свежо, когда Губерт Вальгрёв вышел к ней, а она была светлее и свежее самого утра. Они гуляли вместе до завтрака, потом вместе пошли в церковь и весь день провели, не расставаясь. Даже в этот день отдыха никто не прерывал их непрерывного *tête-à-tête*. Джемс Редмайн разгонял сном следы непривычных развлечений последней недели, чтобы на следующее утро встретить жену с ясным лицом. Сыновья его провели большую часть дня, сидя на заборах и рассуждая с земледельцами и с прихожими мальчиками.

Счастливее этого воскресенья в тенистом саду среди пышных мальв и увядающих роз не было дня во всей молодой жизни Грации. Под вечер Губерт Вальгрёв заметил перемену в ее лице. Руки ее дрожали, и тогда он взял одну из них, она была холодна, как лед.

– Что с вами, моя милая? – спросил он нежно.

– Ничего, но вы уезжаете завтра. Могу ли я быть счастлива?

– Но вы знали это с самого начала. Мы условились, что день возвращения вашей тетки будет днем моего отъезда. Разлука всегда была перед нами.

– Да, но я не знала, что она так ужасна, – отвечала она, горько заплакав.

Тяжело ему было смотреть на ее слезы, но человеку, решившемуся добиться успеха в жизни, приходится часто подавлять свои чувства. В эту минуту он отдал бы многое, чтоб иметь возможность прижать ее к сердцу и предложить ей быть его прекрасною молодою женой, – многое, но не все. Если б он трудился безропотно, если б ему нечем было жертвовать, он мог бы забыть разницу в положениях и слить свою судьбу с судьбою любимой женщины. Но он трудился далеко не безуспешно, и его настоящее положение было критическое. Он был многим обязан руке, которая помогла ему взойти на первые ступени лестницы и могла помочь ему идти дальше. Жениться на Грации значило отказаться от лучшего друга, иными словами обречь себя на погибель. Судья может жениться хоть на своей кухарке, но для молодого, добивающегося успеха, адвоката женитьба составляет важный шаг в жизни. Губерт Вальгрёв не хотел рисковать своею карьерой. Он вступил на общественное поприще еще молодым человеком, только что окончившим курс в коллегии, и с твердым намерением составить себе имя. В жизни его были обстоятельства, вследствие которых это стремление было в нем сильнее, чем в других мужчинах. Он никогда ни на волос не отступал от принятого решения. Несчастливая любовь к дочери фермера была первою ошибкой с его стороны.

Он утешал ее как умел, осушал ее слезы и заставил ее наконец улыбнуться ему, но не радостна была ее улыбка.

– Желала бы я знать, увидимся ли мы опять когда-нибудь, – сказала она грустно, и вслед за этими словами произнесла стихи Ромео и Джульетты, которые читала с ним вместе в саду:

Какая мысль зловещая во мне!
Мне кажется, когда тебя я вижу,
Прощаясь так с тобой, что ты в могиле.

– Милая моя, мы увидимся. Я приеду повидаться с вами когда-нибудь, когда вы будете, может быть, замужем.

– О, нет, нет, нет, – воскликнула она качая головой.

– О да, да, да, Грация. Наша любовь была только поэтический сон. Каждый из нас пойдет теперь своею дорогой и будет жить своею жизнью. Помните, что говорил Лонгфелло, которого вы так любите:

Жизнь реальна, жизнь серьезна.

И моя милая Грация будет когда-нибудь уважаемой женой и матерью. Таково назначение женщины. Я приеду повидаться с вами и застану вас центральной фигурой счастливого семейного кружка, И отец ваш возвратится к тому времени.

Ее лицо, озаренное луной, покрылось смертельною бледностью.

– Отец мой! – повторила она, содрогнувшись. – Я едва не забыла с вами отца моего.

Настало утро. В опаловой колеснице явилась розовая Аврора, а в почтовой телеге мистрис Джемс Редмайн. Последняя прибыла в Брайервуд около завтрака, столичного завтрака, следовательно, встав необычайно рано и сделав в это утро сорок миль, чтобы быть дома до начала стирки. Вся поэзия прохладного старого дома исчезла с ее появлением. Бывают люди, которые всюду вносят с собой будничную атмосферу, разговор которых не интереснее таблицы умножения, а наружность обещает так же мало нежных чувств, как обертка от счетной книги. К числу таких личностей принадлежала мистрис Джемс.

Она машинально поцеловала племянницу, окинула глазами углы комнаты, опасаясь, что чистота недостаточно строго соблюдалась во время ее отсутствия, и только уже успокоившись на этот счет, устремила пытливый взгляд на лицо племянницы и объявила, что Грация «страшна».

– Ты, вероятно, просиживала целые дни в комнатах вместо того чтобы гулять каждое утро, – сказала она.

– Напротив, тетушка, я очень много гуляла, – отвечала Грация.

– Очень много? А наволочки? Кончила их?

– Почти кончила.

– Почти! Ты никогда не доделываешь до конца никакого дела. Вот что значит пансионское воспитание! У меня терпения не хватает смотреть на такие надувательства.

– Хорош ребенок, тетушка? – спросила Грация, надеясь дать разговору миролюбивый оборот.

– У него корь, – отвечала мистрис Джемс резко.

– Я никогда не видала такой сильной сыпи.

– Но он, надеюсь, скоро поправится, тетушка?

– О, он поправится очень скоро, но не приведи Бор, иметь дело с такими лентяйками, как эти месячные няньки. Если бы можно было воспитывать детей первый месяц посредством машин, это было бы большим облегчением для семейств. Что мистер Вальгри?

– Он здоров, тетушка. Дядя Джемс, вероятно, писал вам, что он уезжает.

– Да, писал что-то такое, но я ничего не разобрала. Твой дядя плохой писака. Когда же он уезжает?

– Сегодня, – вымолвила Грация, вынув из рабочей корзинки одну из злополучных наволоков и разглядывая дыру.

– Сегодня! – воскликнула тетка. – Что-то уж слишком скоро. Впрочем, он платил аккуратно и может уехать когда ему угодно. Трудно найти другого такого спокойного жильца. И он доставил нам немало выгоды. Я положу от десяти до пятнадцати фунтов в сберегательный банк на имя твоего отца из денег, которые мы получили с него.

Мистрис Джемс сняла шляпу, умылась в кухне самым жестким желтым мылом, не заботясь, полезно ли оно для ее кожи, надела чистый чепчик и пошла засвидетельствовать свое почтение уезжавшему жильцу. Его чемодан и мешок были вынесены в старомодную низкую прихожую, у дверей ждала кингсберийская почтовая карета. Грация стояла у окна, бледная

как призрак. Отыщет ли он ее, чтобы проститься с ней? Или уедет, не сказав ни слова? Глаза света теперь видят его, доведет ли он хладнокровно свою жестокую роль до конца, не заботясь об ее страдании?

В прихожей послышался ее голос. Она начала слушать, как будто каждое слово было вдохновенным.

– Очень жаль, что приходится расстаться с вами, мистрис Редмайн, – сказал он своим ленивым тоном. – Я не ожидал, что сельская жизнь мне так понравится. Тысячу раз благодарю вас за ваше внимание. Ничто кроме крайней необходимости, не могло бы заставить меня расстаться с вами. Надеюсь, что вы позволите мне приехать к вам опять когда-нибудь.

– Мы всегда будем рады видеть вас, мистер Вальгри, – отвечала мистрис Джемс своим самым любезным тоном. – Трудно найти жильца, который доставил бы так мало беспокойства, как вы.

Мистер Вальгрев слабо улыбнулся. Одно бедное молодое сердце было сильно обеспокоено его посещением. Он был человек практический, но не железный и его мучило сознание, что он принес зло этому дому.

Почтовая карета стояла у дверей, чемодан и мешок были уже укреплены на крышке, и нельзя было терять времени, чтобы не опоздать на поезд. Но мистер Вальгрев медлил и спокойно смотрел по сторонам.

– Не проститься ли мне с вашей племянницей, мистрис Редмайн? – сказал он наконец.

– Вы очень внимательны, сэр. Грация действительно сочла бы себя обиженной, если бы вы уехали, не простившись с ней. Она у нас воспитывалась в пансионе и полна причуд. Да где же она? Грация!

При этом резком возгласе дверь гостиной быстро растворилась, и на пороге показалась Грация, бледная как полотно и едва способная стоять на ногах. К счастью для нее, внимание мистрис Джемс было отвлечено ее сыном и наследником, который в эту минуту разбил окно кареты, укладывая удочки жильца.

Долгое время образ Грации Редмайн, как он видел ее в ту минуту, преследовал Губерта Вальгрева. Бледное лицо, взгляд полный отчаяния и что-то дикое в глазах. Ее образ во многих видах преследовал его всю жизнь, но ужаснее всего было для него воспоминание об этом взгляде, об этой безмолвной мольбе.

Он подошел к ней и взял ее руку.

– Я не мог уехать, не простившись с вами, Грация, – сказал он. – Я говорил вашей тетушке, как счастлив я был здесь и что я намерен приехать опять когда-нибудь.

Он подождал, надеясь, что она скажет что-нибудь. Но она не сказала ничего, только губы ее слегка задрожали.

– Прощайте, – повторил он и прибавил, понизив голос: – Прощайте и да благословит вас Бог, моя милая.

Он быстро отвернулся, пожал руку мистрис Редмайн, потом старшему из ее сыновей и дал ему пару соверенов на удочки. Служанка получила уже вознаграждение и улыбалась благодарною улыбкой на заднем плане. Еще через минуту кучер щелкнул кнутом, колеса застучали, и Губерт Вальгрев уехал.

– На целый час опоздали со стиркой, – сказала мистрис Джемс. – К счастью, все уже намылено, и погода хорошая для сушки. Это большое счастье.

Грация ушла в свою комнату, с трудом поднявшись по старой знакомой лестнице, не видя ничего от слез, застилавших ее глаза. О, утомленные члены! О, растерзанное сердце!.. Неужели ей не видать более счастья в этом мире?

Глава X

Мистер Вальгрев доволен собою

Экстренный десятичасовой поезд доставил мистера Вальгрева менее чем в час в Лондон. Ландшафты живописного Кента бежали мимо окна, теряя постепенно свою прелесть сельского спокойствия. Все чаще и чаще попадались виллы, то белые во вкусе итальянских сельских построек, то красные, кирпичные в строго-готическом стиле. Дубы заменились лавровыми деревьями, многовековые буки только что насаженными тощими кустами. При каждом доме имелись оранжереи, цветники, были покрыты распутившиеся геранью и калыеоларией. На всем лежал однообразный отпечаток английского довольства. Далее чистое, красивое предместье перешло в многолюдную южную окраину великого города. В воздухе запахло мылом, салом, новыми сапогами, справа несло из Дентфорта веревками и смолой, слева болотными испарениями Бермондсея. Далее шум и треск, крик и свист, остановка или две, очевидно, неумышленные и, увы, мистер Вальгрев прибыл на станцию Лондонского моста, и ему уже начало казаться, что жизнь, которую он жил несколько последних недель, была только прекрасным сном, от которого он пробудился теперь к безотрадной действительности.

Он кликнул извозчика, добыл сам свой багаж и поехал по мрачным, грязным улицам. Несмотря на летнее время Сити был шумен и многолюден, полон жизни и движения. Но что это была за жизнь после золотистых полей, испещренных цветами лугов и чудной песни жаворонка в небесной вышине?

«О, как хорошо быть сельским сквайром с двадцатью тысячами годового дохода! — думал он, — и жить как угодно, жениться на Грации Редмайн, проводить время, объезжая беззаботно свое поместье или лежа растянувшись на траве и положив голову на колени жены, пользоваться известностью, которую может дать доброе старое имя и порядочное состояние и не иметь надобности достигать известной цели и ждать медленно созревающего кислого плода общественного успеха, плода кислого для того, кому он не дается, безвкусного для того, кто получает его лишком поздно! Но приходится бороться неумоимо и жертвовать всем в надежде получить его».

Карета подвезла его к одним из ворот Темпля. Тут он жил вопреки моде, занимая несколько красивых комнат в первом этаже. Он знал, какое важное значение имеет внешняя обстановка и что она в некотором роде есть выражение умственного достоинства человека. В его квартире не было ни *bric-à-brac*¹, ни пунцовых бархатных портьер, встречающихся чаще в легкой литературе, чем в действительности. Комнаты были большие и высокие со старинными каминами, с глубокими окнами, с хорошо сохранившимися панелями. Мебель была прочная и опрятная, немного старомодная и потому вполне гармонизировавшая с комнатами. Со всех сторон были книги, в приличных, но прочных переплетах, как и следует быть книгам джентльмена и юриста и очень аккуратно расставленные на старинных полках черного дерева. В главной комнате стояли два или три кресла, обитые рыжеватым сафьяном, письменный стол с бесчисленными лампами и отделениями, две красивые бронзовые лампы, а над высоким камином висела картина, единственная картина во всей квартире Губерта Вальгрева.

То был портрет женщины красоты почти безукоризненной, с лицом открытым, пикантным, обворожительным, с глазами газели, сверкавшими веселым смехом. Костюм, которому художник придал несколько фантастический характер, был, очевидно, старомодный, какой

¹ *фр.* — коллекция непрактичных предметов для украшения дома, собрание курьезов, не имеющих ценности, пустяки, хлам. Выражение употреблялось в викторианскую эпоху.

носили лет сорок или тридцать тому назад. В художественном отношении портрет был образцовым произведением, Рейнольдс или Ромни могли бы гордиться им.

Мистера Вальгрева встретил его слуга, человек средних лет и почтенной наружности. Он был и буфетчик, и лакей, жил в небольшом чулане возле кухни, находившейся в связи с квартирой, и с помощью прачки, приходившей рано утром убирать комнаты, вел хозяйство мистера Вальгрева. Он был примерный и опытный слуга, исполнял безукоризненно должность камердинера и мог, в случае надобности, изжарить котлету и сварить овощи, и в значительной степени содействовал комфорту мистера Вальгрева. Фамилия его была Кюпнедж, а христианское имя Авраам, данное ему не потому, чтобы в крови его была еврейская примесь, но для удовлетворения библейских вкусов его матери, о которой он до сих пор говорил с гордостью как о беспримерной прачке и истинной христианке.

– Есть письма, Кюпнедж? – спросил мистер Вальгрев, развалившись на своем любимом кресле и рассеянно оглядывая комнату.

Комната эта, выходявшая окнами на запад, на реку, видом которой Лондон имеет полное право гордиться, была очень хороша и удобна, и носила отпечаток индивидуальности человека, жившего в ней. Его книги, его бумаги, его трубки, все, что украшало его жизнь, было здесь. В этой комнате он работал семь последних лет, почти с тех самых пор, как начал добывать деньги своею профессией. Все это время постепенно наполнялись книжные полки, каждый том был выбран и поставлен им самим и соответствовал его вкусам.

Он начал мириться с переменой с отъездом из прохладного старого дома, с отсутствием цветов, благоухавших там над каждым окном. Лондон был скучен и грязен, но тут было то, что он любил, – книги и полное спокойствие.

«Я кажется, создан так, чтоб жить старым холостяком», – сказал он себе. «Эту квартиру я не променял бы на дворец, если бы только... если бы только мог переселиться в него с Грацией Редмайн. Странно, что эта девушка, дочь фермера, воспитанная в провинциальной школе, произвела на меня больше впечатления, чем все женщины, которых я знал, и кажется мне умнее всех умниц, которых я встречал в обществе. Я, кажется, не способен прельститься одною только красотой, хотя нисколько не умаляю ее значения. Если бы в этой девушке не было ничего привлекательного, кроме красоты, я не мог бы любить ее так сильно, как я любил ее».

«Любил ее». Мистер Вальгрев говорил о любви своей в прошедшем времени и старался думать о ней как о деле минувшем. Он начал медленно ходить взад и вперед по комнате, по временам останавливаясь у одного из трех окон и устремляя задумчивый взгляд на реку с ее дымящимися пароходами, медленными барками, нагруженными углем и кое-где развевающимися грязными флагами, и думая о Грации Редмайн. Что она девадет теперь? Бродит по саду, одна и очень грустная.

«Я никогда не забуду ее последнего взгляда», – сказал он себе. «Сердце сжимается лишь только вспомнишь его. Будь у меня поменьше силы воли, я взял бы мешок и уехал бы назад, в Брайервуд, с послеполуденным поездом. Воображаю, как прояснилось бы при моем появлении ее милое лицо».

Письма ждали его. Кюпнедж разложил их симметрично на его письменном столе, направо от обитой саф-сафьяном доски, на которой он имел обыкновение писать. Он перестал ходить и решился заняться письмами, как спасительным средством от размышлений, принимавших опасный оборот.

Одно из писем, толстый конверт с кенсингтонскою маркой, адресованный крупным, четким почерком, который мог быть и мужским и женским, привело его в изумление. Почерк был хорошо знаком ему. Он удивился, но не радостным удивлением, а поспешно разорвал конверт, не пощадив красивой облатки с готическим вензелем.

Письмо было не длинно:

«Акрополис-сквер, 19-го августа.

Дорогой Губерт, – вы будете удивлены, получив мое письмо с вышеприведенным адресом. Папа внезапно получил отвращение к Эмсу и предпочел провести остаток осени в Англии. И вот мы здесь и размышляем, ехать ли нам на какие-нибудь спокойные воды или сделать несколько визитов знакомым. Папа уступил перед отъездом нашу виллу мистрисс Фильмер, и теперь мы, конечно, не можем отказать ей. Степлетоны зовут нас в Гайли, а Бересфорты просили нас уже несколько лет посетить Аблеконское аббатство, старое поместье в Вельсе. Но вопрос, кажется, разрешили тем, что мы поедem в Истборн или в Богнор.

Надеюсь, что вы поправляетесь. Если вам случится быть в городе, – вы, вероятно, приезжаете иногда по делам, – до следующего четверга, мы будем очень рады видеть вас. Но я не хочу нарушать предписанного вам спокойствия. В Эмсе было скучно *faire remis*². Полдюжины эксцентричных нарядов, столько же дам, обращавших на себя внимание, русская княгиня, но все прочие скучнейшие больные, так что даже Кенсингтонский сад в августе разнообразнее. Всегда ваша
Августа Гаркросс Валлори».

Мистер Вальгрев задумчиво свернул письмо и улыбнулся горькою улыбкой.

«Холодно, – сказал он. – Вполне джентльменское послание. Желал бы я знать, какое письмо написала бы мне Грация Редмайн, если бы мы были помолвлены и не видались недель семь или восемь. Какой кипучий ноток нежности вылился бы из этого любящего молодого сердца! Августа Гаркросс Валлори, – сказал он, глядя задумчиво на подпись. – Каким твердым, красивым почерком пишет она, и должно быть, крупным пером и с избытком чернил. Она способна также твердо подписать смертный приговор. Удивляюсь, почему она не подписывается Гаркросс и Валлори. Так было бы натуральнее. Имя не дурно для баронского титула, не хуже Стамфорда или Варингтона. Ее муж может со временем сделаться пером с таким именем».

При этом предложении, сделанном с горечью, п-рэд умственным взором мистера Вальгрева мелькнула в далеком будущем горностаевая шляпа с шестью жемчужинами.

«В палате лордов заседали люди, начавшие с меньшими шансами на успех, чем я, – думал он. – С состоянием Августы Валлори можно купить что угодно в „коммерческой Англии“. Одно за другим исчезают старые имена из парламента, а из десяти новых восемь выбраны за обладание населенным поместьем или большим капиталом в банке. Когда же деньги соединены с профессиональной славой, это еще легче. Но странно будет, если я буду избран в палату лордов, а сэр Френсис Клеведон в палату общин».

Он взглянул на свои часы. Было три часа, а он еще ровно ничего не сделал, даже не ответил на три или четыре письма, требовавшие ответа. Он взял пачку бумаги, быстро настрочил несколько записок, оставил письмо мисс Валлори без ответа и закурил сигару, Кюпнедж вышел спросить, дома ли он будет обедать.

– Нет, через час приготовьте мне платье. Я не буду обедать дома и уйду рано.

Небольшая бессодержательная записка Августы Валлори развлекла его, дала новое направление его мыслям. Он не чувствовал более уныния. Напротив, он был доволен собой и светом, почти гордился своим поведением в последнем кризисе своей жизни, готов был восхвалять себя за великодушие, благородство и благоразумие. Он забыл, что великодушие и благородство не всегда согласуются с благоразумием.

² *faire remis* (фр.) – здесь: расслабиться.

Глава XI

Мистер Вальгрёв исполняет обязанность

Кто не знает Акрополис-сквера и местности, к которой он примыкает, – местности, среди которой недавно возник Альберт-Голль, но где во время нашего рассказа еще не было Альберт-Голля, а было только блестящее здание оранжереи Земледельческого Общества среди обширной поляны, на которой помещалась выставка 1862 года. Акрополис-сквер есть квадрат, образуемый великолепными домами, окна которых выходят на геометрически распланированный сад, где небольшие отряды юной аристократии, еще не «выезжающей», играют в крокет в солнечное июньское утро или росистые сумерки, когда мать и старшие дочери отправляются в ярко освещенные залы, а гувернантки освобождаются от своих обязанностей.

В разгар лондонского сезона, когда у дверей ждут кареты, когда балконы украшены маркизами и множеством цветов, когда хорошенькие девушки катаются кавалькадами по улицам и сама атмосфера проникнута оживлением и весельем, Акрополис-сквер очень приятное место. Но и в своем лучшем виде он обладает всеми недостатками нового Лондона. Каждый дом есть подобие соседнего. Вы не найдете тут индивидуальности в архитектуре, составляющей прелесть старинных скверов, ничего подобного портикам, ни малейшего разнообразия в длинных рядах окон, а густой, мягкий цвет красного кирпича, гармонирующий как нельзя более с серым фоном английского неба, заменяется тут сумрачною темно-коричневою штукатуркой.

«Город Вавилон, в дни своего падения, был не страшнее Акрополис-сквера в конце августа», – думал Губерт Вальгрёв, когда его извозчикий кабриолет повернул с нестерпимым стуком в величественный квадрат коричневых дворцов, сумрачный фон которых не оживлялся теперь пестрыми маркизами и цветами, а на спальной солнцем лужайке сада не слышалось ударов биты о мяч.

Дом мистера Валлори был одним из самых великолепных в этом сквере и отличался характером респектабельности, прочности и величия, свидетельствовавших о богатстве его владельца. Занавесы столовой были цвета самого темного и густого кларета и из такой тяжелой шелковой материи, что складки их казались вытесанными из камня. Ставни столовой были темные дубовые, окованные по краям тончайшими полосками золота. Даже драпри на окнах гостиной были из тяжелой темно-зеленой материи, а единственные украшения, видневшиеся снаружи, были бронзовые статуэтки и пунцовые вазы восточного фарфора. Кисея, ленты, кружева, розовые подкладки, радовавшие зрение в других домах, не имели здесь места.

В швейцарской, украшенной черным мраморным камином, и бронзовою лампой, и имевшей вид погребальной гробницы, мистера Вальгрёва встретил швейцар в темно-шоколадной ливрее и с напудренною головой. Окинув высокомерным взглядом уезжавший кабриолет (извозчики экипажи редко останавливались у дверей мистера Валлори), швейцар повел мистера Вальгрёва в гостиную.

– Дома мисс Валлори?

– Дома, сударь. Мисс Валлори возвратилась полчаса тому назад с верховой прогулки.

В гостиной они не нашли никого, и слуга пошел отыскивать горничную мисс Валлори, чтобы сказать ей о посетителе, ожидающем ее госпожу, и прошло не менее десяти минут, прежде чем последняя узнала о приезде мистера Вальгрёва. Гостиная, в которой он ждал, была очень большая комната, наполненная великолепною мебелью и сообщавшаяся через большую арку? комнатою меньшей величины, покрытою ковром, в центре которого стоял большой рояль. Все находившееся в этих двух комнатах было самое солидное и самое дорогое в своем роде. Этажерки из черного дерева, украшенные гроздьями плодов из сердолика и агата; Геркулес с ведром на античной стойке; толстые портфели с гравюрами Альберта, Дюрера,

Рембрандта и Гогарта, на двух резных дубовых стойках; на стенах несколько картин, небольших и новых, признанных лучшими на последних академических выставках; белая мраморная группа в центре большого оттомана, обитого зеленым шелком. Но чайные сервизы, дрезденские *bejeuners*, китайские пастушки, фотографические альбомы и тому подобные ценные безделушки, с помощью которых ожидающий посетитель мог бы сократить четверть часа праздного времени, не имели здесь места, и когда мистер Вальгрев осмотрел картины, ему осталось только ходить по ковру, рассматривая его узор и всевозможные оттенки зеленого цвета, или смотреть в окно на коричневые дома противоположной стороны сквера.

Он ходил по ковру, задумчиво осматривая комнату. Она не казалась ему прежде такой большой, как теперь, после брайервудской гостиной, с ее низким потолком, тяжелой резьбой, темными панелями и скромной мебелью. Он мог надеяться прожить всю жизнь в таких роскошных комнатах и пользоваться почетом, какой дает подобная обстановка, но без Грации Редмайн. Перспектива его будущего со всеми преимуществами богатства и влияния, которые должна была дать ему женитьба, всегда нравилась ему. Картина любви в хижине не имела для него ничего привлекательного. Но теперь, вопреки его воле, своенравная фантазия рисовала ему картины жизни с Грацией, в какой-нибудь красивой загородной вилле, – жизни трудовой и тяжелой с неопределимыми преградами к успеху, но с любимой женщиной и с семейным счастьем.

«Я и теперь уже имею некоторое положение в свете, сказал он себе, и доход мой вовсе не ничтожен. Но тем не менее, что мог бы я сделать, имея против себя старого Валлори? Он может смять меня, как лоскут ненужной бумаги. Нанести ему такое смертельное оскорбление значит обречь себя на верную гибель. Что осталось бы мне тогда? Тащиться в задних рядах людей моей профессии и жить на триста фунтов в год. О доме в Майферте, о даче между Земляничным холмом и Чертей, о клубе, этом необходимом приюте для каждого мужчины, об Итоне для моих сыновей, о гувернантке из Ганновера для моих дочерей, о яхте, о конюшне, об общественном положении тогда нечего было бы и думать. Милое лицо Грации, преждевременно стареющееся от мелочных забот, толпа детей в тесной квартире, обеды, приготовленные единственной служанкой, на каждом камине вызовы за незаплаченные налоги в пользу бедных, – кому неизвестны все подробности этой печальной картины. Нет! Если бы я был расположен жертвовать собою, – а я к этому несколько не расположен, – жестоко было бы обречь на такую жизнь Грацию».

Весы колебались непрерывно, но перевес всегда оказывается на стороне светского успеха, то есть денег, известности и почета.

«Некоторые люди могут смотреть на жизнь легко, даже губить себя, если это им нравится, думал он. Это люди, начинающие свое поприще с высоты, им нелегко спуститься вниз. Я начал снизу и должен во что бы то ни стало подняться вверх. Эссекс мог пренебрегать шансами, которые были крайне важны для Ралейфа, однако оба, и пренебрегавший и дороживший, кончили одним и тем же».

Размышления эти были внезапно прерваны дверью, отворившеюся с резонансом двери в соборе, и шелестом шелкового платья, возвестившем о приближении мисс Валлори.

Августа Валлори, единственная дочь Вилльяма Валлори, ходатая по делам и члена фирмы Гаркросс и Валлори, была не такая девушка, чтобы к ней отнеслись слегка и описать ее одною или двумя фразами.

Она была красавица: рост выше обыкновенного роста женщин, покатые плечи, гибкая талия, тонкая, грациозная шея, увенчанная головой почти классической формы. О лице ее едва ли могло быть два мнения: брюнетка, глаза темные, холодные и блестящие, волосы черные, как только могут быть черны английские волосы, цвет лица неизменно бледно-молочный с розовым румянцем и до такой степени безукоризненный, что если б у мисс Валлори были

враги женского пола, они заподозрили бы ее в употреблении *vinagre de rouge Blanc rosati*³, изящный, прямой нос, красиво очерченный подбородок и блестящие белые зубы. Только лоб был немного узок и низок, и глаза, несмотря на совершенство ресниц и бровей, имели какой-то металлический блеск.

Одета она была великолепно. Заниматься своим туалетом было главным делом в жизни для мисс Валлори. Ей никогда не приходилось серьезно заботиться о чем-нибудь другом, а одеваться было и делом и забавой. Быть поразительной, оригинальной, непохожей на других было ее главным стремлением. Она не носила ни голубого, ни розового, но с помощью французской модистки придумывала эффектные комбинации темных цветов оранжевых и редких оттенков серого с яркими цветами и с дорогими кружевами, которым могла бы позавидовать любая вдовствующая герцогиня. Мисс Валлори не находила причины, почему только замужние женщины пользуются привилегией носить тяжелые платья. Шелк и дорогие кружева шли более к ее красоте, чем газ и кисея *d'une demoiselle á marier*⁴.

В этот день на ней было платье темно-оранжевого цвета с длинным шлейфом, с высоким воротом, без малейшей отделки на талии и рукавах, но с широким пунцовым поясом, завязанным пышным узлом позади ее стройной талии. Узкие рукава и узкий воротничок шли к ней как нельзя более. Не совсем хороший цвет лица казался бы еще хуже от цвета платья, каждый недостаток в сложении был бы вдвойне замечен при таком фасоне. Мисс Валлори одевалась с полным сознанием своей красоты, как бы говоря: «подражайте мне, если смеее».

Жених и невеста пожали друг другу руки и поцеловались каким-то формальным поцелуем.

– Да как же вы поправились, Губерт! – сказала мисс Валлори. – Я ожидала увидеть вас все еще больным.

– Всему есть конец, моя милая Августа. Я ездил в деревню для окончания лечения и теперь могу, кажется, сказать, что я вылечился.

Тон его при последних словах сделался торжественным. Он думал о более опасной болезни, чем та, от которой лечили его лондонские доктора, и сомневался, действительно ли он стоит на пути к излечению.

– Лишнее говорить вам, какой у вас цветущий вид, – продолжал он весело. – Это ваше нормальное состояние.

– В Эмсе было ужасно скучно, – воскликнула мисс Валлори. – Я так рада, что мы уехали оттуда. Как понравилась вам ваша ферма? Воображаю, как вам было тяжело там.

– Да, в последнее время стало действительно тяжело.

– Так сначала было хорошо? – спросила мисс Валлори, слегка подняв свои безукоризненные брови.

Она была не из сентиментальных, но ей приятнее было бы услышать, что ему было скучно без нее.

– Да, с неделю или около того мне там нравилось. Место старое и живописное, окрестности великолепные, множество рыбы, и главное там была щука, которую мне очень хотелось поймать. Я съезжу туда в будущем году и непременно поймаю эту щуку.

– Я никогда не могла понять, что люди находят интересного в рыбной ловле?

– Я давно тщетно стараюсь понять, о чем женщина может говорить со своею модисткой полтора часа сряду, – отвечал мистер Вальгрев холодно.

Мисс Валлори улыбнулась спокойной улыбкой.

³ фр. – винный уксус из розового вина. Употреблялся для отбеливания кожи.

⁴ фр. – как у барышни на выданье.

– Воображаю, как вы соскучились, когда я заставила вас ждать у madame Bouffante, – сказала она. – Есть вещи, которые нельзя решить поспешно, а Bouffante слишком занята или слишком важничает, чтобы приехать ко мне.

– Женские наряды это какая-то непостижимая загадка. Вот это платье на вас, например, сшито, по-видимому, так просто, что вы могли сшить его сами.

– Конечно, если бы я училась шить платья. К сожалению, папа не включил этого искусства в программу моего воспитания. Это платье madame Bouffante кроила сама. Фасон шлейфа совершенно новый, введенный в первый раз французской императрицей только три недели тому назад.

– Боже! А я не заметил ничего нового, когда вы вошли в комнату. Какой же я невежда. Но знаете ли, что я видел, когда был мальчиком, женщин, которые сами шили себе платья?

– Вы не могли этого избежать, мой милый Губерт, если жили среди оригинальных людей.

Он вспомнил Грацию Редмайн, которая однажды шила при нем под кедром голубое кисейное платье, в котором она была на следующее утро в церкви и казалась ему прекраснее лесной нимфы. Мисс Валлори была много красивее Грации, даже без преимуществ своих нарядов, много красивее, но не так привлекательна.

– Я хотел спросить, можно ли мне остаться обедать? – сказал мистер Вальгрев, усевшись спокойно на зеленом оттомане, рядом с мисс Валлори. – Я, как видите, в официальном костюме.

– Папа будет очень рад. Мы никому не объявляли, что мы в городе, да и объявлять-то, кажется, некому: во всем Лондоне в настоящее время нет знакомого нам человека. Вы оживите папа.

– А дочку папа?

– О, конечно! Вы знаете, что я всегда рада видеть вас. Если вы будете так добры, что позволите мне не переодеваться к обеду, мы посидим здесь и поболтаем.

– Я намерен удивить мир своею добротой. Но неужели при настоящих обстоятельствах, не имея никакого знакомых в городе, вы действительно надели бы что-нибудь великолепнее этого оранжевого платья?

– Я одеваюсь для папа, и потому, может быть, что это вошло у меня в привычку.

– Если бы женщины изобрели себе как мужчины какой-нибудь официальный костюм, например, черное шелковое платье и белый кисейный пояс, во сколько раз менее зависти и злобы было бы тогда в мире!

– Я решительно не понимаю, что вы хотите сказать, Губерт. Вообразите женщин одетыми в обществе, как торговки в мелочных лавочках.

– Вот это-то и есть главное возражение. Мужчины однако же не стыдятся одеваться одинаково с буфетчиками. Впрочем, вы так хороши в этом костюме, что глупо было бы желать видеть вас одетою иначе. Скажите мне теперь ваши новости. Я хочу знать, как вы проводили время, пока мы не виделись.

Это было ловким средством скрыть факт, что самому ему нечего было сказать ей. Будущая жена его была красива, хорошо воспитана. Умела хорошо держаться в обществе, но встретясь с ней после восьми месяцев разлуки, он не имел ничего сказать ей. Он мог только откинуться на спинку оттомана и смотреть на нее холодным критикующим взглядом. Было время, когда он считал себя влюбленным в нее. Без искреннего чувства с его стороны, ему не удалось бы овладеть таким дорогим призом, но каково бы ни было это чувство вначале, теперь от него не осталось и следа. Глядя на нее в этот день, он решил, что она одна из красивейших женщин в Лондоне, но что для него она не более как красивая статуя. Он видел на картинах лица, в которых было более жизни и чувства, чем способно было выразить ее лицо. Сердце его было когда-то искренне расположено к ней, но она не умела удержать его. Что дала она ему кроме сухого согласия сделаться его женой, когда его успех в свете и общественное положение

удовлетворяет ее отца? Видел ли он от нее когда-нибудь слезу или любящий взгляд, или нежное прикосновение рукой, что доказало бы ему, что он ей ближе и дороже других ее знакомых? Разве он не знал, что для нее весь мир начинается и кончается Августой Валлори, что только то имеет для нее какое-нибудь значение, что касается ее особы? Однажды, когда она пела песню Теннисона «И к ней принесли ее мертвого воина», он наклонился над роялем и сказал ей:

– Если бы вы были на месте этой женщины, Августа, каким скучным делом показались бы вам похороны!

– Похороны ужасны, – отвечала она содрогнувшись.

– И вы не пожалели бы, если бы вашего воина оставили там, где он пал? Если со мною когда-нибудь случится несчастье на охоте, у меня будет заранее сделано распоряжение, чтобы меня снесли в ближайшую погребальную часовню и оставили там.

Глава XII

Гаркросс и Валлори

Вильямс Валлори, глава фирмы Гаркросс и Валлори, был одним из известнейших адвокатов в Лондоне. Фирма существовала уже более ста лет, и самое ее имя означало все, что только может быть солиднейшего и дорогого в адвокатуре. Главные клерки у Валлори – имя Гаркросс было уже только фикцией, ибо последний Гаркросс покоился вечным сном на лаврах богатства и известности в великолепном мавзолее в Кенсильгрине, – главные клерки у Валлори были известные адвокаты и получали жалованья более, чем могли бы заработать, практикуя самостоятельно. Дом, в котором помещалась фирма, имел торжественный вид банка со своими внутренними и наружными конторами, с длинными коридорами, с великолепной комнатой мистера Вильяма Валлори, с комнатой мистера Уестона Валлори, с комнатой мистера Смита, с комнатой мистера Джокса, с комнатой мистера Томпсона. Мистер Уестон Валлори занимался гражданскими делами и имел еще наружную приемную, всегда наполненную тревожными клиентами. Экономия труда заметна была во всех установлениях. В швейцарской висела доска черного дерева, с именами членов фирмы и главных клерков, и против каждого имени висели ярлыки с роковыми словами «дома» или «нет дома». Внутренность здания была снабжена множеством гуттаперчевых слуховых труб, и самые секретные известия могли быть передаваемы шепотом из одной стороны дома в другую. Смирненнейшие клиенты не ходили далее мистера Томпсона, а глава фирмы был также недоступен для простых смертных, как японский микадо.

В коммерческом суде не было силы могущественнее фирмы Гаркросс и Валлори. Поверенные преклонялись перед Вильямом Валлори, и сами судьи уступали его олимпийскому могуществу. Банкрот, на полмиллиона или около того, – фирма не брала мелких дел, – поручавший себя Гаркроссу и Валлори, заботливо проводился по темным и тернистым путям судопроизводства и возвращался миру с репутацией чистою, как только что выпавший снег. В руках Гаркросса и Валлори кредитор становился ответчиком, полкроны из фунта от них значило более чем полфунта со стороны не столь значительной фирмы. Их собственная типография работала беспрерывно, печатая прошения и ответы. Их благосклонный взгляд был лучком солнечного света для молодых адвокатов, и даже королевские судьи преклонялись перед ними. Они не позволяли своему клиенту сделать шага без их совета, и вследствие всего этого были дороги, знамениты и уважаемы. Иметь Гаркросса и Валлори фамильными поверенными было само по себе отличием.

Вильям Валлори, оставшийся теперь единственным представителем фирмы, считался очень богатым человеком. Уестон Валлори, его племянник, был младший партнер, получивший не более седьмой доли доходов. Это был человек лет тридцати, неженатый, живший в прекрасной вилле в Норвуде, ездивший на прекрасной лошади и окруженный атмосферой респектабельности.

Стефан Гаркросс, крестный отец Августы Валлори, умер богатым старым холостяком и оставил большую часть своего состояния, заключавшегося в фондах и акциях, своей крестнице. Со своими кровными родственниками он жил не в ладу, а крестницу любил за ее красоту и другие качества, и мисс Валлори, единственная наследница громадного состояния своего отца, сделалась обладательницей трех тысяч фунтов годового дохода. Что оставит ей отец, было еще открытым вопросом. Он проживал пять тысяч фунтов в год, а получал, как говорили, не менее восьми.

Для Губерта Вальгрева, получавшего кроме того, что удавалось заработать своею профессией только триста фунтов в год, было, конечно, необычайною милостью судьбы сделаться женихом мисс Валлори. Случилось же это очень просто. Отец ее сделал его своим сотрудником

года три или четыре тому назад, был доволен им и приглашал его довольно часто в Акрополис-сквер и на дачу в Райд, где проводил с дочерью часть осени, но ему и в голову не приходило, что такое знакомство может повести к чему-нибудь серьезному. Само собой разумеется, что он не такого жениха прочил своей дочери. Он не спешил расстаться с ней, даже предпочел бы, чтоб она не выходила замуж, пока он жив. Но дочь его была красавица и богатая наследница, и он решил, что она выйдет замуж непременно и был уверен, что она составит блестящую партию. Ему уже мерещился титул. Приятно было бы прочесть имя своей дочери в числе имен пэров, прежде чем умереть. Но все эти мечты разрушились, когда мисс Валлори однажды объявила ему, что мистер Вальгрёв накануне вечером сделал ей предложение и что она намерена, с позволения отца, выйти за него замуж, что против воли отца она этого не сделает, но и за кого-нибудь другого никогда не выйдет.

Вильям Валлори был поражен. Он ничего не подозревал, ничего не замечал. Сближение молодых людей началось с нескольких случайных встреч на лондонских цветочных выставках. Губерт Вальгрёв был чаще других приглашаем на обеды в Акрополис-сквер; в числе его знакомых было много знакомых мисс Валлори, у которых он часто встречался с ней в течение лондонского сезона. Затем последовало осеннее приглашение на дачу мистера Валлори в Райде. Там начались долгие прогулки по набережной, прогулки при свете луны, прогулка на яхте – самое увлекательное из всех удовольствий, и Августа Валлори, никогда не страдавшая морской болезнью, была особенно хороша в своем морском костюме, сшитом лучшею французской модисткой.

И в одно прекрасное августовское утро, на борту «Ариона», яхты мистера Валлори, Губерт Вальгрёв сказал себе, что он влюблен в Августу. Она сидела против него, делая вид, что читает роман, одетая в голубое и белое, с мягким кашемировым шарфом на стройной талии и в соломенной шляпке с пучком белых и голубых перьев, спускавшихся на ее густые черные косы.

«А почему бы мне не жениться на ней? – спросил он себя. – Это кажется несбыточным, но я, по-видимому, нравлюсь ей, и за кого-нибудь должна же она выйти замуж. Ее состояние было бы большим подспорьем для меня, и сама она такая женщина, которая способна помочь мужу добиться хорошего положения в свете, если бы даже у нее не было ни гроша. Она единственная женщина, которая мне нравится и, кажется, единственная, которой я могу нравиться».

В этот период своей жизни Губерт Вальгрёв не имел никаких экзальтированных понятий о чувстве, играющем главную роль в жизни одних и никакой в жизни других. Он намерен был жениться не иначе, как чтобы женитьба принесла ему несомненные материальные выгоды. Если он женится, то женится на деньгах. Его доход, удовлетворивший все его потребности, был бы до смешного мал, если бы пришлось содержать на него жену и детей. Намерения его на этот счет были самые определенные, но он никогда не был искателем богатых наследниц. Ни за какие блага в мире не женился бы он на женщине безобразной или глупой или почему бы то ни было непривлекательной. Он не заискивал перед мисс Валлори. Судьба сблизил их, он только воспользовался своими шансами. Из всех мужчин, которых она знала, он обращался с ней всех небрежнее, менее всех преклонялся пред ее красотой и богатством. Может быть, это-то и было причиной, что она влюбилась в него, насколько это было в ее характере.

И в один лунный вечер на лужайке в Райде, мистер Вальгрёв сделал предложение спокойным, благоразумным, вполне джентльменским тоном.

– Я, конечно, понимаю, моя милая Августа, – сказал он в заключение, – что я вовсе не подходящая партия для вас и что мне следует сделать гораздо более, чем я сделал до сих пор для приобретения приличного положения в обществе, прежде чем рассчитывать на одобрение со стороны вашего отца, но я не боюсь тяжелой работы, и если только вы расположены ко мне,

я буду в силах сделать что угодно, проложить себе дорогу к шерстяному мешку или что-нибудь в этом роде.

Затем, мало-помалу, он заставил мисс Валлори признаться, что она расположена к нему, даже очень расположена, что он ей нравился с самого начала. Такое признание было все, чего можно было ожидать от благовоспитанной девушки.

– Вы не были ко мне так глупо внимательны, как другие, – сказала она, – и поэтому вы мне нравились больше других.

Мистер Вальгрев улыбнулся и дал себе обещание, что мисс Валлори никогда не будет иметь основания жаловаться на излишнее внимание с его стороны.

Прошло немало времени прежде чем мистер Валлори пришел в себя после неожиданного признания дочери, но мало-помалу он успокоился и даже согласился назвать Губерта Вальгрева своим будущим зятем.

– Я не скрою от вас, что для меня это разочарование и очень тяжелое разочарование, – сказал он. – Я надеялся, и имел, кажется, право надеяться, что Августа составит блестящую партию. Но вы мне всегда нравились, Вальгрев, и... если дочь моя твердо решилась, я не буду препятствовать. Надеюсь, что вы не имеете намерения жениться немедленно?

– Это вполне зависит от вас, мистер Валлори. Я со своей стороны желал бы только приобрести какое-нибудь определенное положение прежде чем просить Августу разделить мою судьбу. Я не способен жить на содержании у жены, а мои средства еще недостаточны для того чтобы доставить ей что-либо подобное той обстановке, к которой она привыкла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.